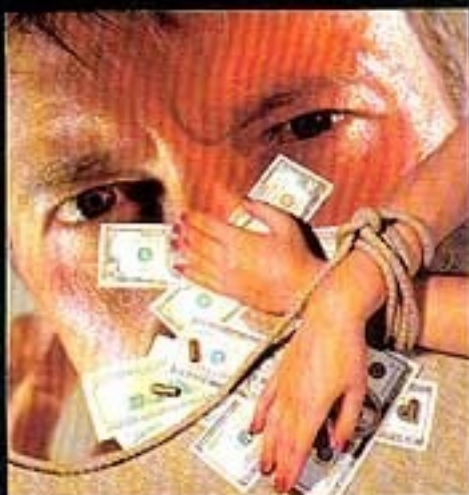

Эдуард
ТОПОЛЬ

Завтра в России

Эдуард Тополь

Завтра в России

«Эдуард Тополь»

1989

Тополь Э. В.

Завтра в России / Э. В. Тополь — «Эдуард Тополь», 1989

ISBN 5-17-004303-1

«Завтра в России» – это роман-предсказание. События нелепого путча отходят в прошлое, – но «тополевское» их восприятие по-прежнему читается загадочно, весело, увлекательно – и ошеломительно интересно. Что стояло за знаменитым путчем 1991 года? Интриги. Борьба за власть. Любовь. Секс. Тайна. Тайна, которую раскрыть практически невозможно, однако – необходимо...

ISBN 5-17-004303-1

© Тополь Э. В., 1989

© Эдуард Тополь, 1989

Содержание

Вынужденное предисловие	5
Часть I	8
День первый	9
1	9
День второй	16
2	16
3	24
4	31
День третий	37
5	37
6	39
7	43
8	45
День четвертый	47
9	47
10	53
11	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Эдуард Тополь

Завтра в России

Роман-версия, или Исторические фантазии 1986-го года

Все события этого романа абсолютно подлинные, в чем может убедиться каждый, заглянув в завтрашние газеты.

Автор.

Что-то случится непременно, потому что не бывает так, чтобы что-нибудь тянулось вечно. А кроме того, мой сон был вещий, за это я ручаюсь.

М. Булгаков. «Мастер и Маргарита».

Вынужденное предисловие

Сегодня, когда я отправляю новую редакцию этого романа своему агенту, я мысленно прошу Россию притормозить ее уже летящий с горы поезд событий. Иначе все, что я назвал «Завтра в России», рискует стать вчерашним днем этой страны – еще до того, как моя книга дойдет до читателя.

Но, право, лучше бы мои предсказания оказались пустой выдумкой, чем русской реальностью. Может быть, это было бы сильным ударом по моему самолюбию, но для всего остального мира крах моих прогнозов был бы большим облегчением.

Торонто, 20 октября 1989 года.

Я не читаю предисловий к чужим книгам и поэтому никогда не писал их к своим. Но биография этой книги уже сама складывается в роман, и вот несколько слов на эту тему.

Я сел писать исторические фантазии на тему «Завтра в России» в октябре 1986 года, и на первых порах даже мне самому развитие сюжета часто казалось нелепым бредом неумелого романиста. Но потом советская история вдруг стала развиваться так стремительно, что события, выдуманные мной и отнесенные на 1992-94 года, начали превращаться в сегодняшний и даже вчерашний день. Так, помню, в третьей главе этой книги я (мысленно поставил себя на место Горячева) смело реабилитировал Троцкого и Бухарина – в 1990 году. А через месяц мне пришлось выкинуть всю эту главу – Горячев реабилитировал Троцкого и Бухарина на три года раньше!

Короче говоря, пока я сочинял будущее для России и консультировался по ряду предполагаемых мной событий с Пентагоном и другими экспертами, Россия с фантастической скоростью двигалась в это будущее, и я, пытаясь застолбить свой copyright на историю, отдал роман в нью-йоркскую газету «Новое Русское Слово», где он и был напечатан летом 1988 года. Одновременно роман ушел и к моему американскому издателю.

Но именно в то лето горячемания захлестнула мир. И мой американский издатель, прочитав роман об аресте советского Президента, приходе к власти партийно-шовинистской хунты и гражданской войне в России, пришел в ужас и сказал, что «даже если это все правда, нам такая правда не нужна!». И еще он добавил, что если я не перестану писать такие глупости, то мое имя исчезнет в литературной пыли.

Я хорошо помню, что когда подобные заявления по поводу моих сочинений делали лет тридцать назад редакторы советских журналов и киностудий, я считал их идиотами и анти-семитами (и, кстати, ни разу не ошибся). Но до чего же в нас, русских, развито уважение к Западу! – после пары аналогичных ответов других американских издателей я запретил своему агенту показывать роман кому бы то ни было и тут же выбросил рукопись в подвал.

И только моя, в августе 1989 года, поездка в Россию заставила меня вернуться к этому роману. Потому что в Москве, в Ленинграде и в Таллинне я с первых же минут почувствовал себя брошенным на страницы своего романа. Да, уже тогда значительная часть моих исторических фантазий оказались хроникой русских событий. Даже выдуманная мной организация «Патриоты России» вдруг объявилась в Ленинграде...

Я вернулся в Америку, перенес действие романа из 1992-94 годов поближе к сегодняшнему дню и попросил своего агента снова послать рукопись моему американскому издателю. Но агент сказал, что этого человека уже не существует – его имя исчезло в издательской пыли.

Good damn! Я видел, что история явно катится по сценарию, намеченному мной в романе, но никто не хотел этот роман печатать, никто не верил в мои предсказания! Даже мистер Горбачев! Да, я думаю, что и об этом уже можно сказать: летом 1990 года Виталий Коротич, главный редактор журнала «Огонек», отдал рукопись этого романа Михаилу Сергеевичу Горбачеву в надежде получить у него «добро» на публикацию. И с гордостью сам сказал мне об этом в Нью-Йорке, обещая начать печатать роман с сентября 1990 года. Но прошел сентябрь, ноябрь и даже январь 1991 года, роман уже вышел отдельной книгой в Болгарии, а Коротич... Мне передали, что тот самый Коротич, который рекомендовал роман М. С. Горбачеву и просил у меня разрешения напечатать его в журнале (а затем еще и издать в трехтомнике моих сочинений) – этот самый Виталий Коротич вдруг обозвал роман нехорошими словами. Я понял, что он просто повторил то, что сказал ему М. С. Горбачев после прочтения рукописи.

А роман все-таки вышел в России – в мае 1991 года, полупиратски в Махачкале, в кошмарной обложке и с огромными купюрами – но за три месяца до тех событий, которые в нем предсказаны. Причем, как увидит читатель, предсказанные чуть ли не с точностью до одного дня! Например, в романе, написанном, повторяю, в 1986–1988 годах, арест советского Президента происходит в субботу 20 августа, а в жизни он случился 19-го. Но это просто потому, что в то время, когда я писал роман, у меня под рукой не было календаря 1991 года...

Конечно, мне могут сказать, что я не все угадал. Например, антигорячевский переворот у меня в романе удался, а в жизни – провалился.

Но у меня, господа, на это другая точка зрения.

Я позволю себе предположить, что Госпожа Русская История прочла мой роман и, ужаснувшись предстоящим России испытаниям, впервые сжалилась над русским народом и вовремя успела внести в мой сценарий свои режиссерские поправки. Потому что без этого янаевско-крючковского заговора-фарса Россия еще десять лет топталась бы на месте, буксовала между Горбачевым и Ельциным, а тем временем все рос и рос процесс приватизации страны коммунистами, а западная помощь оседала бы в их бездонных карманах. И все равно был бы заговор, был бы путч – другого пути не было! Я искал этот другой путь полтора года, жена, боясь, что мои предсказания сбудутся, просила меня найти какое-нибудь другое будущее для России хотя бы в романе, но я не нашел – не потому, что не хотел, а потому, что пасьянс горячевской перестройки складывался только так – не иначе!

И вот, не имея возможности изменить общий замысел Провидения (или логику развития «перестройки»), Ее Величество История на этот раз, для августовского прокоммунистического переворота выбрала не Ленина, а Янаева, не Троцкого, а Язова, не Бухарина, а Павлова! И выбором этих пигмеев на роль узурпаторов власти запрограммировала весь путч на фарс!

Да, История повторила себя фарсово, и тот гнойник коммунизма, который в Кремле и за его пределами прятался за спиной романтического коммуниста-реформатора, – этот гнойник

прорвало, наконец, дрожащими руками Янаева, Крючкова и К°. Теперь вместо того, чтобы нарываться внутрь, Россия за три дня выплеснула из себя весь 74-летний гной! И стало очевидно, наконец, что избавиться от коммунизма без путча не могли ни Русская История, ни Горячев.

Но кроме антигорячевского заговора в романе, как увидит читатель, были намечены и более трагические события. Поэтому, я думаю, мой роман еще актуален – не только как черновик истории или ее альтернативный сценарий. А как взгляд в ту пропасть, мимо которой миру удалось проскочить буквально чудом.

Есть ли в этом чуде заслуга моего романа?

Полностью ли миновала та опасность, которую я видел еще пять лет назад?

Не рано ли сбрасывать со счетов возможность трагического ожесточения фабулы русской истории?

Этого я не знаю.

И – уже боюсь предсказывать.

Эдуард Тополь

10 октября 1991 года

Нью-Йорк, США

Часть I Красный август

8 августа 199... года

Из экстренных выпусков газет во всем мире:

**«ДЕЛЕГАТ КОММУНИСТИЧЕСКОГО СЪЕЗДА СТРЕЛЯЕТ В
СВОЕГО ПРЕЗИДЕНТА!»**

«СПАСУТ ЛИ ВРАЧИ ПРЕЗИДЕНТА?»

«НОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ В КРЕМЛЕ???...»

День первый

1

Москва, Кремлевская больница. 11.15 по московскому времени

«– Подсудимый Батурин, встать! Признаете ли вы, что 8 августа на заседании съезда партии стреляли в товарища Горячева?»

– Да. Стрелял.

– Чей приказ вы выполняли?

– Я стрелял от имени всей партии...»

Горячев мучительно поморщился. Но даже выругаться вслух у него еще не было сил. Он лежал на высокой больничной койке, чуть приподнятый на подушках, с хирургическим швом на груди, окутанный проводами датчиков и окруженный новейшим импортным медицинским оборудованием. Миниатюрные экранчики постоянно показывали частоту его пульса, кровяное давление, ритм сердца, заполняемость легких и т. д. Вся эта аппаратура дублировала приборы, стоящие в кабинете главврача Кремлевской больницы академика Бахтина, и была поставлена в палату по приказу самого Горячева, как только его привезли в больницу. С простреленной грудью и кровью в плевре левого легкого, почти теряя сознание от боли и страха умереть, Горячев еще по дороге из Кремлевского Дворца съездов, где прозвучал этот страшный выстрел, успел подумать, что он не может доверять кремлевским врачам. Стрелявший не был уличным шизофреником, он был делегатом съезда партии. И, значит, это покушение – результат заговора. Но кто заговорщики? Правые во главе с Лигачевым? Левые во главе с Ельциным? Демократы-экстремисты? Русские националисты из «Памяти»? Анархисты? Военные? Кто бы это ни был, они могли заранее сговориться с врачами «Кремлевки» о том, что если Горячев не будет убит, а только ранен, то он должен умереть в больнице. Заговорщики должны были сговориться с врачами, иначе они – полные идиоты! Потому что если он выживет, то... Господи, если я выживу, то...

И весь короткий путь – всего три квартала от Кремля до улицы Грановского, где находится Кремлевская больница, – Горячев думал только об этом: как НЕ отдать себя в руки кремлевских врачей, как НЕ допустить, чтобы его оперировали русские хирурги. Но только в операционной, когда анестезиолог уже нес к его лицу маску для общего наркоза, Горячев, собрав все силы, сказал:

– Нет... Ларису!

Лариса почему-то не попала в машину «скорой помощи», которая везла Горячева из Кремля в больницу. То ли о ней, жене Горячева, забыли в сутолоке, то ли и с ней что-то случилось (арест? сердечный приступ?), но, как бы то ни было, даже в этом ее отсутствии Горячев видел еще один признак заговора.

– Некогда! – нетерпеливо ответил ему Бахтин, уже одетый в зеленый хирургический халат, с резиновыми перчатками на руках и со стерильной маской на лице. – Некогда, Михаил Сергеевич! Дорога каждая секунда!

Горячев окинул взглядом их всех – Бахтина и еще двух кремлевских хирургов, их ассистентов и анестезиолога. Конечно, вряд ли все они вовлечены в заговор, это почти невероятно. И все же...

– Нет, – повторил он Бахтину. – Ларису...

Бахтин засопел, сдерживая бешенство, и даже это показалось Горячеву подозрительным. Но тут Лариса сама вбежала в операционную. За ней спешила медсестра, на ходу завязывая на спине у Ларисы шнурки стерильного халата.

– Миша! Боже мой!..

Движением пальцев Горячев приказал и врачам, и медсестрам выйти из операционной.

– Вы с ума сош... – протестующе взревел Бахтин, но Горячев только мучительно поморщился, и рука его вяло, но и властно велела им всем убраться немедленно.

– Полминуты! – процедил сквозь зубы Бахтин, и они вышли.

– Что, Миша? – наклонилась над Горячевым Лариса.

Он чувствовал, что теряет сознание, что боль, горячая, как огненный шар, раскаленным комом распирает грудь и обжигает сердце, спину, мозг.

– Только... американский врач... из посольства... – произнес он сухими бескровными губами. И – утонул в своей боли, и последнее, что видел, – искру догадки в ее глазах...

Все, что было потом, он узнал с ее слов. Она загородила собой потерявшего сознание Горячева, а Бахтин устроил ей скандал. «Идиотка! Он может умереть от пневмонии!» – кричал Бахтин, срывая с рук резиновые перчатки. Секретарь ЦК Егор Лигачев уговаривал: «Лариса Максимовна, здесь наши лучшие врачи! Как мы будем выглядеть в глазах всего мира?!» Министр обороны Вязов орал по телефону американскому послу: «Да! Вашего врача, вашего! Я высылаю вертолет!» А шеф КГБ Митрохин сказал Ларисе: «Если через три минуты американский врач не будет здесь, я арестую вас, и наши врачи начнут операцию!». Именно в эти минуты:

– в Москве было объявлено военное положение, три танковые и шесть дивизий спецназа вошли в город, а вся армия, авиация, флот и ракетные части были подняты по боевой тревоге – отражать атаку извне, если покушение на Горячева – это дебют иностранной агрессии;

– лучшая гвэбшная дивизия имени Дзержинского блокировала Кремль – на случай, если вслед за устранением Горячева планировался кремлевский переворот;

– бастовавшие железнодорожники Кавказа, Сибири и Прибалтики добровольно прервали забастовку. Всесоюзный стачечный комитет строителей объявил об отмене всеобщей стачки, назначенной на завтра, а Координационный центр оппозиционных партий – об отмене всех митингов и демонстраций;

– все телестудии мира прервали свои передачи и показывали момент покушения, безостановочно повторяя эти сенсационные кадры (на съезде партии были операторы 43 крупнейших телестудий со всего света).

И только московское телевидение, прервав, конечно, прямую передачу из Дворца съездов, пыталось успокоить население. «Уважаемые товарищи! – говорил Кириллов, самый популярный диктор программы «Время». – Правительство призывает вас сохранять спокойствие. Товарищ Горячев доставлен в больницу, врачи принимают все меры...»

Но как раз в эти минуты врачи ничего не предпринимали, а ждали своего американского коллегу. Министерский вертолет маршала Вязова взял доктора Доввея прямо с крыши американского посольства, полторы минуты занял полет от здания посольства до Кремлевской больницы, и все это время Лариса держала оборону, не подпуская врачей к мужу, хотя он лежал на операционном столе без сознания. Наконец Бахтин просто отшвырнул ее («грубо, как бык», – говорила потом Лариса), подошел к Горячеву и начал операцию, и в этот момент в операционную вбежал американский врач Майкл Доввей. «У меня не было выхода, Михаил Сергеевич, – объяснял потом Бахтин Горячеву. – Вы могли умереть от пневмонии. Поэтому просить прощения у вашей жены я могу только за то, что не оттолкнул ее раньше. Мы бы не имели сейчас такого абсцесса!...»

– Батурин, не корчите из себя героя! Мы тоже члены партии, но мы не давали вам полномочий стрелять в товарища Горячева, – произнес Марат Ясногоров, председатель Партийного трибунала. – А пронести оружие через шесть контрольных пунктов в Кремлевский Дворец одному человеку вообще невозможно. Значит, кто-то дал вам этот пистолет уже в зале. Кто? Назовите сообщников!..

Большой, в полтора квадратных метра, настенный японский телеэкран системы «High definition» создавал почти полную иллюзию присутствия в палате Батурина и Партийного трибунала. Батурин перевел взгляд своих светлых глаз с Ясногорова на других членов трибунала и усмехнулся:

– Несколько лет назад немецкий мальчишка один пролетел над всей страной от Балтики до Красной площади. Я тоже пронес пистолет сам, в кармане...

«Как держится! Как спокойно держится, стервец! – подумал Горячев. – Так можно держаться только в том случае, если знаешь, что у тебя за спиной надежное прикрытие. Но кто же мог обещать убийце свое покровительство? Наверняка только тот, кто и сейчас обладает значительной властью. Так неужели это Лигачев? Если бы Горячев был убит, именно Лигачев, давний конкурент Горячева в Политбюро, стал бы Генеральным. Никто другой. Так неужели он решился?..»

– Повторяю, у меня нет сообщников, и вообще тут нет заговора, – словно отвечая на мысли Горячева, продолжал Батурин. – А вот единомышленники – вся наша партия, и поэтому я говорю и от имени партии. Если разрешите, я объясню...

«Разреши ему! Пусть объяснит!» – чуть не сказал Горячев в экран председателю трибунала Марату Ясногорову. Он не знал этого Ясногорова – кто такой? откуда? Партийные трибуналы были введены только в этом году, когда выяснилось, что 18 миллионов служащих советской партийно-бюрократической машины уже не только открыто саботируют перестройку, но и повсеместно наживаются на ней – берут гигантские взятки с кооперативов, рэкетиров, сельских арендаторов. Причем суммы взяток – чаще всего в американских долларах – затмевали рекорды взяточничества даже брежневской семейки в эпоху ее правления. И тогда Горячев решился на чистку партии. Это была рискованная затея. В тридцатые годы Сталин проводил такие чистки террором, и тогда партия отдавала ему своих вождей и героев – лишь бы выжить самой. Но, выжив, партия научилась заранее убирать тех лидеров, у которых обнаруживались опасные для партократии замашки сталинизма. Так слетели и Маленков, и Жуков, и Хрущев, и Шепилов... Поэтому Горячев повел чистку руками самой партии. Членов трибунала подбирали из числа рядовых коммунистов, не занимающих административных постов, и они бесстрастно гнали из партии как старых, так и новых бюрократов. Несколько десятков крупных, показательных процессов над «скрытыми врагами перестройки» помогли Горячеву восстановить свой авторитет в глазах народа, мечтающего о «сильной руке». И доказать публике, что тотальная нехватка продовольствия в стране вызвана врагами и саботажниками перестройки – партийными бюрократами. Таким образом, накануне самого критического лета 199... года – лета, на которое все предвещали общенародный бунт, взрыв, революцию, – Горячев с помощью этих трибуналов успел притушить страсти, переадресовать всеобщее возмущение положением в экономике и получить у Истории еще одну отсрочку.

Но сейчас он боялся, что этот неизвестный ему председатель трибунала Ясногоров как-нибудь грубо собьет Батурина, не даст ему высказаться...

Однако Ясногоров лишь покровительственно усмехнулся Батурину и произнес певуче:

– Да уж, пожалуйста! Объясните...

«Молодец, хорошо сказал», – подумал Горячев. Он даже забыл на несколько мгновений, что эти двое объясняются по поводу его жизни, по поводу той свинцовой пули, которая прошла в трех миллиметрах от его сердца. Он увлекся их словесной дуэлью, как игрой хороших актеров в телеспектакле. Батурина 34 года, он второй секретарь Волжского горкома партии, кряжистый русак, именно таких курносых русаков с голубыми глазами отбирал Горячев во время своих поездок по стране и продвигал их на ключевые партийные и хозяйственные посты. А вот кто такой Ясногоров – черт его знает, скорее всего – никто, да и внешне он вовсе не из горячевской гвардии, а щедушный какой-то, лицо худое, глаза базедовые, на вид лет тридцать. Но как красиво подсек Батурина, вежливо: «Да уж, пожалуйста! Объясните...»

Стоя напротив семи членов Партийного трибунала, Батурин чуть нахмурился, переступил с ноги на ногу, но при этом в светлых глазах его читались ясность и несмятенность мысли.

– Что ж! Я скажу. Что такое наша партия сегодня? Какова ее роль в обществе?

– Только без лекций, – перебил Ясногоров.

Да уж, действительно, усмехнулся про себя Горячев. Кто ты такой, мерзавец, чтобы лекции нам читать? Я в твои годы был никем, провинциальной партийной шестеркой, рядовым инструктором по сельскому хозяйству Ставропольского крайкома. Но я терпел, сгибался, выполнял идиотские указания брежневской мафии, интриговал и рисковал на каждом шагу, чтобы ты, сукин сын, сразу в тридцать лет получил крупную партийную должность и полную свободу инициативы...

Батурин выпростал свой взгляд из пространства, к которому он уже собирался обратиться, посмотрел на Ясногорова и вдруг согласился совершенно по-деловому:

– Хорошо. Без лекций. Я стрелял в Горячева потому, что он отнял у меня жену, сына и родовое наследство...

«Та-а-ак, – разочарованно протянул в уме Горячев, – он просто шизофреник...»

– Больше того, – продолжал Батурин, – Михаил Горячев отнимает жен и детей у всех партийных работников. Возьмите статистику: сколько жен бросили своих партийных мужей десять лет назад и сколько в этом году? В этом – в восемь раз больше! Почему? Кто поставил нас в положение презираемых и третьесортных?..

Все-таки без лекции не обойдется, мельком подумал Горячев, но, черт с ним, пусть говорит. Похоже, и Ясногоров решил так же – он откинулся на спинку стула и не перебивал Батурина.

– ...Россия всегда, испокон века была чиста от идей мелкой спекуляции и погони за наживой. Россия была отлична от всех остальных народов мира поиском Духовности и Высшего смысла. И у нас, русских коммунистов, тоже был авторитет духовных лидеров мира, – говорил тем временем Батурин. – Да, духовных! Полмира открывали по утрам газету «Правда» и из нее узнавали, что МЫ назначили правдой на сегодня! Нищая, полуголодная страна была примером для народов самых сытых стран, и никто у нас не бастовал, не требовал автономии и даже в мыслях не посягал на власть нашей партии...

Какая у него странно-знакомая манера рубить мысль на короткие предложения, подумал Горячев. И так знакомо он наклоняет голову чуть вперед...

– Но где все это теперь? Что свергло партию с пьедестала? Реформы Михаила Горбачева – вот что! – сказал Батурин так твердо, словно вбил гвоздь ударом кулака. – Сегодня совершенно очевидно, что перестройка, затеянная Горбачевым, с треском провалилась. Вот уже несколько лет народ задыхается от инфляции и тотального дефицита, государственный дефицит достиг астрономических цифр, экономикой уже невозможно управлять ни с помощью денег, ни приказами. Даже при Брежнев, которого так легко превратили в посмешище, даже при Брежнев положение было лучше! А Горбачев продолжает думать, что он демократизировал страну и ему за это памятник поставят. Но он не демократизировал – он развратил страну! Русский народ стал таким же, как все – как итальянцы, греки, евреи – только деньги, только валюта! А иначе никто не работает, вся страна митингует. И все кричат «долой коммунистов!». Бикфордов шнур гражданской войны уже горит повсюду. Запад закабалит умы молодежи своей поп-культурой...

«Все ясно, – обозлился Горбачев, – я раскачал лодку, я продался ЦРУ и международному сионизму и веду страну в сети капитализма. Но раньше об этом писали в ЦК только партийные старики-анонимщики. А теперь... «перестройка провалилась!». А кто ее провалил – не вы ли сами? Черт возьми, до чего у этого мерзавца моя манера произносить речи! Последние годы все молодые партийные выдвиженцы подражают мне, некоторые даже очки носят – только чтобы быть на меня похожими. Но чтобы мой же убийца!..»

– Что же получается? – спросил тем временем Батурин у трибунала. – Мой прадед штурмовал Зимний и проводил коллективизацию. Мой дед прошел замполитом от Волги до Берлина. Мой отец подавлял восстание в Венгрии и строил атомные электростанции. Я командовал ротой в Афганистане. Четыре поколения – за что мы воевали? Великая страна, супердержава рассыпается на глазах. Польша, Венгрия, Прибалтика, Грузия – все откалывается, выламывается из системы, которую построили наши отцы и деды. Не сегодня завтра народ возьмет в руки колья и пойдет крушить все и вся! А моя семилетняя дочка смотрит на меня, как на убогого, и говорит по-английски: «Папа, let face it, ты неудачник, у нас нет даже своей машины!» И так – у всех партийных работников. Собственные дети презирают нас за то, что мы коммунисты. Мне очень жаль, что я не убил Горбачева, мой выстрел должен был упредить революцию и спасти партию. Но передайте Горбачеву: партия все равно его уничтожит...

Рядом с кроватью, на экранчике, зачастила кривая сердечного ритма. Горбачев нажал кнопку «стоп» на пульте дистанционного управления видеомангитофоном, откинулся головой на подушку и закрыл глаза. Нужно успокоиться, а то сейчас прибежит лечащий врач... Господи, что за страна! Император Александр Второй отменил крепостничество – убили! Петр Столыпин собирался ввести фермерство – убили! Как только в Кремле появляется не тиран, а нормальный человек, в него стреляют от имени какой-то Высшей русской Духовности, партии, сверхидеи. «Выстрелом в Горбачева упредить революцию!..» Черт, как больно дышать... Нет, нужно успокоиться и на что-то решиться. Не с Батуриным – Батурин подождет, посидит в камере. А с батуринцами – срочно и без суеты. Итак, этот выстрел – это их ответ на чистку партии. А ведь еще вчера казалось, что именно такие молодые батурины, которых он недавно сам возвысил из низов партийной, военной и научной номенклатуры, – это и есть его личная гвардия внутри КПСС, новый костяк перерождения партии. А оказывается – нет!

Горбачев открыл глаза. Прямо напротив него, на стене, на громадном экране, лицо Батурина застыло на стоп-кадре последней реплики: «Партия его все равно уничтожит». И столько

жесткой, остервенелой силы было в светлых глазах Батурина, что Горячев вдруг пронзительно понял: а ведь уничтожат! За власть и уничтожат! Ведь точно такие глаза – захлестные – были когда-то и у парней в его деревне, когда они выходили на уличные, село на село, драки. С дубинами и стальными ломками в руках выходили, чтобы не бить – убить!

Горячев пошевелил пальцами, нажимая последовательно несколько кнопок на пульте правительственной видеосвязи. Эту последнюю американскую новинку, «видеотелефон» – систему из 142 телевизоров, принимающих закодированный сигнал кремлевского телекоммутатора, – всего месяц назад подарил Советскому правительству Арман Хаммер, «вечный друг» СССР. Горячев сам провел распределение всех 142 видеофонов и теперь легким нажатием кнопки убрал с огромного экрана лицо Батурина и, набрав четырехзначный номер, вызвал на тот же экран кабинет главного редактора «Правды» Матвея Розова. Розов, как всегда, был на месте – сидел над свежими полосами завтрашней газеты. Молодой, курносый, светлоглазый и широкоскулый, как Батурин.

Это сходство так неприятно поразило Горячева, что он на несколько секунд задержал кнопку включения связи и просто рассматривал, что Розов делает. Конечно, через всю газету гигантский заголовок: «ЗДОРОВЬЕ М.С. ГОРЯЧЕВА – ВНЕ ОПАСЕНИЙ». Все-таки замечательное это изобретение – видеофон, особенно эта возможность скрыто наблюдать за подчиненными. Говорят, у Сталина была манера включаться в кремлевский коммутатор и часами подслушивать телефонные разговоры своих «соратников». Черт возьми, как хорошо он понимает теперь Сталина, который держал в страхе всех и в то же время всех боялся. А может, только так и можно управлять Россией – доглядом, сыском и террором? Впрочем, говорят, что по заказу многих партийных боссов, которых Горячев снабдил видеофоном, какие-то умельцы уже разработали системы оповещения о включении видеоканала, и стоило подключиться к любому видеофону, как у ее хозяина где-нибудь в потайном месте тут же загоралась сигнальная лампочка. Наверно, и Розов уже знает, что кто-то смотрит на него глазом видеокамеры, но еще не знает, кто именно – из КГБ, из ЦК партии?..

Нажатием кнопки Горячев включил видеокамеру, торчащую на коротком штативе над пультом видеосвязи. И тут же напротив Розова на телеэкране возникло лицо Горячева.

– О, Михаил Сергеевич... – стал подниматься Розов.

– Сиди... сиди... – негромко, с затрудненным дыханием произнес Горячев.

Розов опустил в кресло и спросил:

– Как вы себя чувствуете?

– Слушай... сейчас тебе привезут кассету... с выступлением этого Батурина в трибунале... – сказал Горячев. – Вообще-то это смесь шовинизма с правой фразеологией... Но завтра же... все его выступление... должно быть опубликовано...

– Что-о? – изумился Розов.

– Подожди... Это не все... – нетерпеливо поморщился Горячев. Простреленная грудь отдавала болью при каждом вдохе и выдохе. Но Горячев превозмог себя, сказал: – И в этом же номере... нужно объявить дискуссию «Убивать или не убивать Горячева за экономическую революцию?».

– То есть – как?! Да это же будет кощунство! Нет, я не могу!..

Горячев устало закрыл глаза, давая себе отдохнуть, но не выключая видеосвязи. Да, вот в чем ошибка! Этих молодых партийных волкодавов он хотел превратить в партию современных грамотных менеджеров. А они шли на партийную работу ради привилегий и сытой начальственной жизни. И в этом весь конфликт – не убывающий, а растущий! Гласность вскипятила болото русского общества, изменила страну, даже народ стал политически активным, и только они, батурины и розовы, не хотят перестраиваться ни на йоту, а лишь стервенеют и хотят власти – тотальной власти, сталинской, над всем миром! А все остальное: Россия, духовность – это старая демагогия, которая легко оправдывает любую руку, поднявшую пистолет. «Перестройка

провалилась... Мой выстрел должен был предупредить революцию!» Мерзавец! Нет, больше он с этой сволотой церемониться не будет – сначала они гребали его реформы, а теперь подняли руку и на него самого!..

Тем временем Розов, пользуясь паузой, демонстрировал верноподданнический раж:

– Дискредитировать вас?! Такими словами?! И вообще!.. Мало того, что этот мерзавец в вас стрелял, мы еще дадим ему газетную трибуну?!

Горячев чуть-чуть, всего на долю миллиметра, приоткрыл ресницы и подглядывал за Розовым. И чем больше он смотрел, тем лживей казалась ему розовская риторика и тем больше убеждался он в правильности своего решения. Да, именно так! В который раз судьба подает ему свой знак – жесткий, но ясный. Сначала был Чернобыль, потом этот немецкий летчик-мальчишка, потом – Сумгаит, Армения, Тбилиси, шахтерская забастовка... Но в том-то и секрет горячевского таланта, что он умеет любую опасную ситуацию развернуть себе в прибыль. Чернобыль и немецкий летчик-мальчишка позволили избавиться от армейской мафии в Генштабе, от всех этих горе-маршалов, которые требовали бесконечного наращивания атомного оружия. Сумгаит, Армения, Тбилиси и шахтерская забастовка позволили расстрелять партийно-брежневскую номенклатуру. А теперь – Батурин. Этот выстрел показал, что оттягивать решительный взмах ножа, как он всегда это делает, ожидая, что противник сам спелым яблоком упадет к ногам, – больше нельзя! Ведь Александра Второго когда-то тоже убили со второй попытки. Да, господа Батурины, я принял решение. Это демократом быть трудно, добрым и терпеливым быть трудно, а быть диктатором...

Горячев открыл глаза и, перебив Розова, произнес тихо, но жестко:

– Вечером... привезешь мне... сигнальный экземпляр газеты... Чтобы все в ней было так, как я сказал...

И отключил видеосвязь.

День второй *15 августа 199... года*

2

Поезд «Сибирский экспресс». 05.20 по московскому времени

Поезд шел на восток. Безусловно, можно было лететь домой самолетом, но вчера вечером, в тот момент, когда делегатам съезда объявили, что состояние здоровья товарища Горячева уже не вызывает опасений и они могут разъехаться по домам, многие, не сговариваясь, предпочли отправиться поездом. Ссылались на аэрофобию, на усталость, на грозы в атмосфере... Но каждый думал, что знает мысли остальных: в 1934 году Сталин уничтожил почти всех делегатов 17-го съезда партии – 1907 человек! – только за то, что кто-то из них симпатизировал его сопернику Кирову. А теперь? Достаточно ли громко они, делегаты съезда, выражали свое возмущение покушением на Горячева? Да, еще вчера Хозяин строил из себя либерала. Его можно было критиковать и даже некрепко покусывать. Но как он поведет себя после того, как получил пулю в грудь?

Роман Стриж, первый секретарь Свердловского обкома партии, лежал в двухместном купе мягкого вагона «СВ». Окно было зашторено плотной бархатной занавеской, но внизу, сквозь узкую щель, просачивался первый, еще даже не солнечный, а предутренний свет. «Уже наверняка пять утра, – подумал Стриж, – а уснуть так и не удалось. Что бы я сделал на месте Горячева, если бы какой-то Батурин прострелил мне грудь? Только честно – что бы я сделал?»

И от того, ЧТО бы он, Стриж, сделал на месте Горячева, ему стало так не по себе, что в пустом купе наедине с самим собой он, громко крикнув и спустив ноги на пол, сел на полке. Был или не был этот Батурин в братстве «Патриоты России»? Вот в чем вопрос!.. Конечно, уснуть уже не удастся. Сходить в туалет, а потом попросить у проводника чаю и покурить. Обычно Стриж не позволял себе курить натошак, но сейчас он и сам не заметил, как рука его потянулась к пачке болгарских сигарет, вытащила одну и чиркнула зажигалкой.

Пламя высветило пустую противоположную полку, треть которой занимала яркая коробка – самолет вертикального взлета с дистанционным управлением. Эту немецкую игрушку, мечту всех мальчишек, Стриж вез своему шестилетнему сыну, которого обожал, как все поздние отцы, – Стрижу было сорок, когда пацан родился. Но сейчас мысли Стрижа были далеко от этого купе и даже от сына. Он все возвращался памятью назад, к тому моменту, когда...

...Стриж сидел в пятом ряду партера. Не то чтобы он специально следил за Батуриным, а просто все случилось у него на глазах, в самом конце заседания, сразу за сообщением Парткомиссии о результатах выборов в Политбюро. Конечно, выбрали Горячева, Яковлева, Лигачева, Вязова, Митрохина, Кольцова – короче, почти всех, кого захотел Сам. Затем делегаты стали передавать на сцену записки. Эти записки собирали специальные, с красной повязкой на рукавах, «дежурные по залу» – гэбэшники, конечно. Они ссыпали их в стоящую на авансцене вазу. Но кое-кто из делегатов, сидевших рядом с проходом или близко к сцене, нес свои записки сам, не дожидаясь «дежурных». Батурин был одним из таких. Стриж видел, как цепочка делегатов двигалась по проходу к сцене, и один из них – моложавый крепыш в сером костюме – даже облокотился грудью о бархатный обвод авансцены, протянул к вазе левую руку с запиской, и

вдруг его правая рука вынырнула с пистолетом из кармана пиджака, присоединилась к протянутой вперед левой, и почти в тот же миг прозвучал выстрел!

Батурин стрелял как профессионал, держа пистолет двумя руками и еще используя край авансены для упора.

Горячев – его мишень – сидел в Президиуме и, к своему счастью и к несчастью Батурина, именно в эту секунду наклонился с каким-то замечанием или вопросом к Кольцову.

И одновременно с появлением пистолета в руке Батурина трое «дежурных по залу» уже вытянулись в прыжке к нему.

Сидя в пяти шагах, Стриж – сам бывший лейтенант, прошедший Афганистан еще в 1980 году и тогда же демобилизованный из армии после ранения – буквально почувствовал, как Батурин боковым зрением ловит эти летящие на него фигуры, как он использует последнюю долю секунды для того, чтобы все-таки «посадить» цель на мушку, и нажимает курок, а в следующее мгновение его уже сшибают с ног на пол, выламывают руки.

А Горячев медленно, почти удивленно, без вскрика продолжает клониться к Кольцову, как и наклонялся за миг до выстрела.

Да, в такой ситуации это был отличный выстрел, ничего не скажешь! Батурин стрелял по движущейся мишени из пистолета, а пуля прошла в трех миллиметрах от сердца! Но зачем он стрелял? Зачем? Неужели нашлись нетерпеливые идиоты, которые решились на насильственный переворот? Это было первой же мыслью Стрижа после выстрела, и он невольно оглянулся, ожидая следующего хода заговорщиков – лавину войск, заполнявшую зал, или объявление по радио об аресте Президиума съезда и всех членов горячевского Политбюро. Но ничего такого не произошло. Вокруг были только такие же, как у Стрижа, растеряннo-недоумевающе-ожидющие лица делегатов съезда. Спрашивается: какого же черта ты стрелял, мать твою, если за тобой нет никаких сил? И как теперь быть? Как спастись?..

Стриж в сердцах замял сигарету в пепельнице, сунул босые ноги в сандалии и с силой откатил дверь. Волна света и свежего воздуха хлынула ему в лицо. Но не это заставило Стрижа удивленно застыть на месте.

В коридоре, у каждого окна и у открытых дверей своих купе, стояли делегаты съезда. Здесь была чуть не вся партийная элита Сибири – руководители Тюменской, Омской, Новосибирской, Кемеровской и других областей, через которые шел на восток поезд «Москва – Владивосток». Их небритые, землистого цвета лица с воспаленными глазами свидетельствовали о том, что, как и Стриж, никто из них не спал в эту ночь. А некоторые, судя по тому, что были в костюмах и при галстуках, даже и не ложились. Ничего себе ночь, подумал Стриж. Конечно, пока они были в Москве, все вместе, в одной гостинице «Россия», было не так страшно. Но теперь каждый сойдет в своем городе и останется один на один со своим КГБ...

Стриж взял из купе махровое полотенце, перебросил через плечо и направился в конец вагона, к туалету. Никто не поздоровался с ним по дороге, и он никому не сказал «Доброе утро!». Похоже, все знали мысли друг друга, и трудно было в таком случае назвать это утро «добрым». Но Боже! Какое единое выражение апатии в их лицах – как у овец, идущих на убой... И вдруг Стрижа осенило: неужто все тут не спали потому, что тоже гадали – был или не был Батурин «патриотом»? Но это значит...

Фокус «Патриотов России» состоял в том, что внешне это братство выглядело невинней общества филателистов – никакой организации, никакого устава, никаких членских списков! Любой русский, болеющий душой за свою национальную культуру, мог назвать себя «русским патриотом» – что в этом предосудительного? Разве не имеют права русские болеть за свою нацию, за свою историю, культуру? Ведь все последние семьдесят лет кто диктовал нам, русским, какая у нас должна быть культура? Всякие Троцкие, Бродские, Кагановичи, Эйзенштейны, Мандельштамы, Мейерхольды, Пастернаки – вот кто! Они влезли во все русские дела и диктуют, пишут, спорят, критикуют! А сейчас вместе с горячевскими реформами и догово-

рами о разоружении хлынула в Россию западная идеология, американские ритмы, мода и даже еда! Но «Патриоты» не проповедуют звериный антисемитизм и не призывают к погромам, как общество «Память». Мы размежевались с «Памятью», мы отказались от их фашистских лозунгов, мы вообще вышли из всех шумных обществ и перестали бывать на митингах, мы растворились в партии и даже сами не знаем, сколько нас. Но если весь вагон не спал, гадая, был или не был Батуриным членом или – не дай Бог! – офицером братства «Патриотов», то неужели все тут – «патриоты»?!

Пораженный своей догадкой, Стриж даже оглянулся. Черт возьми! Если такое же подавляющее большинство «патриотов» было среди делегатов съезда, то почему никто не дал нам сигнал голосовать против Горячева?..

На двери туалета, в прорези, торчало табло «Занято», а из-под двери несло резким запахом хлорки. Говорят, по чистоте сортиров можно судить об уровне цивилизации народа. Стриж поморщился и прошел дальше, в тамбур. Здесь, у настежь открытой наружной двери, стояли двое. Секретарь Иркутского обкома партии Иван Турьяк – рыжий, стриженный бобриком 38-летний увалень с большими ушами – был похож на медведя, набросившего городской пиджак на волосатые плечи. Вторым был начальник Свердловского областного управления КГБ майор Федор Вагай – сорокалетний, по-офицерски подтянутый малыш с крепким и сухим, словно вырезанным из ореха, лицом. Федор был шурином Стрижа или, как говорят на Западе, «брат в законе». Он молча протянул Стрижу пачку «Дуката». Стриж отмахнулся и сказал:

– Доброе утро...

– Н-да уж... – вразяжку ответил Турьяк, одним этим и выразив свое настроение. И тут же отвернулся к двери, подставил встречному ветру свое широкое лицо и рыжую волосатую грудь.

– Ты видал? – спросил Стрижа Федор Вагай. – Никто не спал! Всю ночь! Только ты железный...

– Я тоже не спал, – признался Стриж и вздохнул. Если про кого и можно сказать «братья в законе», то именно про них двоих – Стрижа и Вагай. Семь лет назад, когда рядового инструктора райкома Романа Стрижа вдруг внесли в список кандидатов на должность секретаря Свердловского райкома партии и он сам изумился такому высокому прыжку, Федя Вагай сказал ему как бы шутя: «Ты, Роман, теперь произведен из рядовых «патриотов» в «патриот-лейтенанты!» И тогда Стрижа как молнией пронзила догадка – так вот что такое братство «Патриотов»! Исполдволь, без шума заполнить все партийные должности и мирно овладеть ЦК партии, подчинить его русско-патриотическому авангарду... Этот Батурин был из «новогорячевцев» самого последнего выдвижения и, следовательно, не мог попасть на должность секретаря горкома без утверждения административного отдела ЦК. И в этом была вся загвоздка! Засветить «патриотов» в административном отделе ЦК – это выдать всю идею братства, это подставить под арест всех партийных выдвиженцев последних лет! Стрижа, Турьяка, Вагай и, кажется, всех пассажиров в пяти вагонах «СВ» только в этом поезде. И когда! В самое решительное лето, когда все в стране висит на волоске: или – или...

Дальний звон церковного колокола вмешался в частый ритм вагонных колес. Все трое повернули головы на этот медово-тягучий звук. И только тут, кажется, впервые увидели, что уже утро, что огромное теплое солнце выкатывается навстречу поезду и корона его лучей пронизывает белые гребни тумана, слежавшегося за ночь в прогалинах меж лесами. Волгу миновали ночью. Стриж слышал, как прогрохотал поезд через навесной трехкилометровый мост, и теперь европейская, индустриальная Россия все больше уступала место России исконной – с бегущим вдоль полей окомом полевых ромашек, с березами и ивами над плавными речушками, с избами небольших вятских деревень, где в последние годы стала появляться жизнь. Эта новая жизнь была видна даже отсюда, издали – стада частного скота на пойменных лугах

Вятки-реки, аккуратные квадраты полей арендаторов, строительство нескольких новых изб и даже колокольня новой церкви на взгорке.

Да, жизнь кое-где возвращается в деревни, никто этого не отрицает. Но какой ценой? Русские люди превратились в израильских мошавников. Живут как хотят! Даже церкви строят, никого не спрашивая! А партия, вышло, – сама по себе, никому не нужный на жопе бантик!..

И вдруг, словно подтверждая мысли Стрижа, – за распахнутой дверью вагона, на откосе железнодорожной насыпи промелькнул гигантский, выложенный из побеленных камней призыв:

«ДОЛОЙ КПСС! ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ!»

– Тьфу! С-с-суки!.. – выругался Федор Вагай.

– Выпить надо, – сказал Стриж.

– Ресторан закрыт еще, – вяло бросил Турьяк.

– Да и там водки не получишь, – сказал Федор.

– Получу! Пошли! – Стриж повернулся и решительно направился в соседний вагон. Вагай и Турьяк без охоты двинулись за ним. Соседний вагон был не купейный, а просто плацкартный – с открытыми двухэтажными спальными полками, на которых еще спали пассажиры. По случаю августовской жары многие были лишь едва прикрыты простынями, обнажавшими плечи и спины... Вдоль всего коридора торчали голые ноги с плохо остриженными ногтями, пахло потом, лежалой одеждой, чесночной колбасой. Где-то хныкал ребенок, кто-то сопел во сне, чемоданы раскачивались в такт вагонной качке... Стриж, Вагай и Турьяк прошли через весь этот вагон вперед, в тамбур, к вагону-ресторану. Но дверь ресторана, конечно, оказалась закрытой, а табличка за стеклом извещала, что:

«Дорожный ресторан «Мадонна»

работает с 7 утра до 2 ночи.

Перерыв: с 10 до 11 утра и с 5 до 6 дня.

Вино и пиво продаются с 11 утра. Водка и др.

крепкие спиртные напитки – с 4 дня».

– Я ж говорил: еще час до открытия, – сказал Федор Вагай.

Стриж, не слушая его, заколотил в дверь открытой ладонью сильно, громко, настойчиво. Никто не открывал.

– Бесполезно... – снова начал Вагай.

– Откроют! – упрямо бросил Стриж. – Мы пока еще власть, етти их мать!.. – И застучал уже не ладонью, а кулаком.

Но на лицах Вагай и Турьяка был скепсис. Хотя железные дороги по-прежнему оставались государственной собственностью, последние пару лет вагоны-рестораны стали отдавать в аренду частникам. Конечно, это разом изменило и внешний облик этих ресторанов, и уровень обслуживания. Какая-нибудь семья из трех-четырех человек, взяв в аренду такой вагон-ресторан, тут же превращала его из стандартно-безвкусной общепитовской точки в современное кафе типа «Мадонны» или в древний трактир а-ля «Русский теремок». В поездах дальнего следования даже меню менялось в соответствии с тем, какую зону Союза пересекал поезд – на Украине подавали наваристый украинский борщ, галушки, заливного поросенка с хреном, гречневую кашу со шкварками; на Кавказе – шашлыки, цыплят табака, сациви, бастурму и несколько видов плова; в средней полосе России – окрошку, пироги с грибами, ленивые вареники, картофельные деруны, карпа в сметане, а в Сибири – пельмени с медвежатиной, пироги с голубикой, шанежки с осетром, блины с икрой, с лососиной, с медом... Но сколько зарабатывают за один, скажем, рейс сами хозяева этих ресторанов? На каких процентах работают на них проводники, целыми днями разнося по вагонам корзины и тележки с вкуснейшей едой, от которой просто невозможно отказаться при дорожном безделье? Наличные купюры летят

в карманы частников, как шпалы под рельсами, и никто теперь не вправе ничего приказывать владельцам этой «Мадонны»... Однако Стриж все-таки достучался – за стеклянной дверью открылась вторая, внутренняя дверь, и показался не то хозяин ресторана, не то официант – высокий голоплечий парень лет 26 с петушиной прической панка и в кухонном фартуке с надписью «REMO-7».

– В чем дело? – крикнул он из-за двери, с аппетитом надкусывая огурец крепкими зубами и подергиваясь в такт музыке, вырвавшейся из глубин ресторана.

– Открой! – требовательно сказал Стриж.

Панк повернул изнутри дверную защелку, но дверь отворил лишь на ширину ладони.

– Слушаю вас...

– Вы «патриот»? – с некоторым сомнением спросил у него Стриж, невольно отстраняясь от ударившего по ушам крика Мадонны.

– В каком смысле? – Панк вопросительно наклонил рыжий гребень своей прически.

Стриж поморщился. Если бы этот олух был членом общества «Патриоты России», он бы не стал спрашивать «в каком смысле?!».

– Ладно, – отмахнулся Стриж. – Мы хотим выпить...

– Ресторан открывается в семь утра, – тут же сказал панк и уже собрался закрыть дверь, однако Стриж предусмотрительно вставил ногу в дверную щель. Панк удивленно перевел взгляд с этой ноги на лицо Стрижа:

– Та-а-ак! Милицию позвать? – Музыка за его спиной резко оборвалась.

– Я – секретарь Свердловского обкома! – сказал Стриж.

– А я греческий князь, ну и что? – насмешливо ответил панк и с веселым вызовом посмотрел Стрижу прямо в глаза.

Именно это веселье в его глазах в сочетании с насмешливым «греческим князем» и ярко-рыжим стоячим гребнем его прически взбесило Стрижа. Он враз забыл о своих ночных страхах, и кровь ударила ему в голову, наливая мышцы сибирско-медвежьей силой. И уже не думая, теряя самоконтроль и даже наслаждаясь освобождением от этой постоянной удавки самоконтроля, Стриж мощным ударом плеча откинул внутрь ресторана и дверь, и этого панка. Панк упал на пол, а Стриж повернулся к изумленным Турьяку и Вагаю:

– Пошли!

И шагнул в ресторан.

И в ту же секунду получил от вскочившего панка оглушительный удар в челюсть. Потрясенный не столько силой этого удара, сколько тем, что этот частник, этот сопляк поднял даже не руку – ногу! – на него, секретаря обкома, Стриж несколько мгновений стоял, пошатываясь, как в нокауте, а затем резко дернул головой, стряхивая головокружение и возвращая мышцам силу для настоящей драки.

Однако Турьяк и Вагай были уже между ним и панком. Причем Турьяк замком обхватил Стрижа за плечи, а Вагай уже направил свой «тэтэшник» на панка, застывшего в стойке дзюдо. При его прическе и наряде он был похож на африканского дикаря, готового к атаке.

– Стоп! Спокойно! – тоном укротителя говорил ему Вагай. – Мы делегаты съезда партии. Руки вверх...

И все бы, наверно, обошлось – под дулом пистолета парень нехотя расслабился, стал поднимать руки вверх. Но тут из глубины ресторана показалась фигура пожилой женщины в кухонном фартуке.

– Бандиты!!! – орала она на бегу, хватая по дороге стул.

Вагай непроизвольно повернулся в ее сторону вместе с пистолетом в руке, и в тот же момент панк бросился на него, заломил руку с пистолетом, а женщина опустила стул на медвежью голову Турьяка. Тем временем еще двое – молоденькая жена панка и его отец – бежали сюда из кухни с огромными кухонными ножами в руках. Грохнул выстрел. Как пистолет ока-

зался в руках панка и каким чудом пуля никого не задела в этой кутерьме – об этом никто не думал, но всех отрезвил грохот выстрела.

– Папа, стой! – заорал панк своему отцу, сидя на полу и держа в руке пистолет, направленный теперь на Турьяка, Стрижа и Вагая.

– Паскуды! Документы!

Турьяк, голый до пояса, медленно поднял с пола свой пиджак и бросил его панку. Тот, держа одной рукой пистолет, другой рукой прощупал карманы турьяковского пиджака.

– На хер тебе их документы?! – в запале крикнул ему отец, все еще держа навскидку огромный кухонный нож. – Я счас милицию!.. Тут работаешь как лошадь, а тут приходят вот такие – за кассой, бля!..

– Подожди... – сказал ему панк, доставая из кармана турьяковского пиджака красное кожаное удостоверение с золотым тиснением: «МАНДАТ ДЕЛЕГАТА СЪЕЗДА КПСС». Внутри мандата была фотография Турьяка и надпись типографским шрифтом: «КАНДИДАТ В ЧЛЕНЫ ЦК КПСС. ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ИРКУТСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА КПСС». Панк захлопнул удостоверение и сказал отцу: – Не нужно милицию...

– Почему?!

– Потому что милиция им принадлежит.

– Вот твоя партия! – повернулась мать панка к своему мужу. – Сволочи! С пистолетом! Такие и в Горячева стреляли! Банди...

– При чем тут Горячев! – поспешно пробасил Турьяк как можно примирительней. – Я хотел чаю, а ты меня стулом по голове...

Громкий стук в наружную дверь вагона заставил всех повернуться к тамбуру. Оказывается, поезд уже, наверно, с минуту стоял на станции Ежиха.

– Эй, тетери, заспались! – весело кричали с платформы два молодых местных мужика. – Принимай товар-то, а то поезд пойдет!..

Панк презрительно швырнул Вагаю его пистолет, вышел в тамбур и открыл наружную дверь. За ней впритык к платформе был припаркован маленький и запыленный грузовичок-пикап, в его кузове тесно стояли высокие металлические бидоны с молоком и сметаной, плетеные корзины с головками сыра, укутанными в сырую марлю, ящики с крупной черникой, грибами, помидорами, огурцами. И ведра с еще живыми, вяло шевелящими усами раками.

Окинув цепким взглядом товар, панк вытащил из кармана джинсов толстую пачку денег, отсчитал 400 с чем-то рублей и отдал одному из мужиков. Рыжий гребень прически ничуть не помешал ему превратиться в делового бизнесмена. Мужики, не споря и не торгуясь, тут же стали затаскивать бидоны, ящики и корзины в тамбур вагона-ресторана. А в свой пикапчик бросили два ящика чешского пива, которые вынес им отец панка.

– Обрати по графику поедешь? – спросил панка один из ежихинских мужиков. – Через неделю?

Панк пожал плечами:

– Если забастовки на дороге не будет...

– Через неделю ежевика поспеет, – сказал мужик. – Будешь брат?

– Только расфасованную, в кульках.

– Само собой, – согласился мужик. – Дети расфасуют...

Тем временем жена панка, его мать и отец спешили внести продукты внутрь вагона, и Турьяк помог им тащить тяжелый бидон с молоком. Жена панка покосилась на него недружелюбно, но промолчала. Гудок электровоза подстегнул Вагая и Стрижа тоже включиться в работу. В открытой двери вагона-ресторана возникло несколько парней – пассажиров из общих вагонов. На их голых плечах были наколки – у одного русалка, у другого надпись «НЕ ЗАБУДУ АФГАНИСТАН!».

– Эй, друг, пивка бы по бутылке! – попросили они панка с жадой в глазах и в голосе.

– Не имею права, только с одиннадцати часов, – ответил им панк.

Поезд плавно тронулся. И уже на ходу, когда вагон проплывал мимо стоящего с желтым флажком дежурного по станции, тот бросил в тамбур перевязанную бечевкой толстую пачку свежих газет – местных и центральных. На изгибе верхней газеты можно было прочесть «ПРАВДА», а ниже был крупный заголовок «РЕЧЬ БАТУРИНА...».

...Минут через десять Стриж, Турьяк и Вагай мирно сидели под яркими цветными портретами голоногой Мадонны в еще закрытом для посетителей вагоне-ресторане, пили чай и под громкую песню все той же Мадонны читали «Правду»:

– «...Выстрел Батурина подтверждает успех перестройки. Она достигла того уровня необратимости, когда стала смертельно опасной для всего социального слоя антиреформы...»

И та же самая женщина, мать панка, которая разбила стул о голову Турьяка, теперь несла им из кухни огромную сковородку дышащей жаром яичницы-глазуньи и блюдо со свежими овощами. На краю блюда лежал кусок льда величиной с кулак. Поставив и сковородку, и блюдо на стол, женщина взяла лед, завернула его в салфетку и молча положила на голову Турьяку. Турьяк поморщился от боли.

– Держи, держи! – приказала ему женщина. – И так уже синяк вспух!.. Ну? Что вам еще? Раков с пивом?

– Да мы бы по беленькой согрелись, – сказал Турьяк, держа одной рукой лед на голове. – А то голова мерзнет...

Женщина молча ушла на кухню, где остальные члены ее семьи привычно готовились к открытию ресторана – здесь под песню Мадонны гремела посуда, стучали ножи и в огромном чане варились свежие раки. Как и в самом ресторане, все стены кухни были тоже оклеены портретами Мадонны – на некоторых из них даже были ее автографы. А сама Мадонна металась с микрофоном по экрану портативного видеомagneфона «АКАИ», вибрировала телом в такт своей песне, а рядом с телевизором ее поклонник-панк в том же ритме стучал ножом по овощам...

Проводив взглядом хозяйку ресторана, Вагай вполголоса продолжал читать «Правду»:

– «Публикуя речь Батурина, редакция предлагает читателям провести на заводах, фабриках и в селах дискуссию на тему: «Убивать или не убивать товарища Горячева за перестройку советской системы и экономики?» Редакция надеется получить самый широкий отклик читателей и гарантирует, что все письма, даже анонимные, будут опубликованы».

Дочитав, Вагай поднял глаза на Турьяка и Стрижа.

– Это все? – спросил Турьяк.

– Все, – сказал Вагай.

Турьяк облегченно вздохнул:

– Слава Богу!

– Что «слава Богу»? – спросил Вагай.

– Можно спать, – объяснил Турьяк. – Ничего про «патриотов»...

– Мудак ты! – сказал Вагай с горечью. – Ты знаешь, что сейчас начнется? «Патриоты», не «патриоты» – это уже не важно! Горячев хочет весь народ на нас натравить! – И раздраженно выругался: – Бля, эта музыка!..

Тут из кухни опять показалась пожилая хозяйка ресторана. На подносе она несла запотевший графинчик водки, рюмки и тарелку с солеными грибами. Турьяк, Стриж и Вагай враз оживились, стали освобождать на столе место:

– Вот это спасибо!.. Это по-русски!.. Уважила!..

– Мой сын, между прочим, в Афганистане воевал, – сказала женщина.

– А это ты к чему? – удивился Турьяк.

– А это я к тому, что, – буднично произнесла женщина, – пить – пейте, а с пистолетом хватит баловать, доигрались уже! – И, привлеченная заголовком «Речь Н. Батурина в Партийном трибунале», склонилась над плечом Вагая. – Что тут про этого паразита пишут?

– Да так, речь его напечатали... – нехотя сказал Вагай, накрыв речь Батурина блюдом с овощами, и попросил: – Слушайте, вы можете убрать эту музыку?

– Еще речи его печатают! – сказала женщина. – Сталин бы ему напечатал речь! Горячев, может, тоже не сахар, но кто хочет работать, тот может. Так и ему пуля! Я неверующая, а каждое утро теперь молюсь за него, чтоб выжил. Даже цветы ему с рейса отнесла в больницу...

– Выживет, не бойсь, – сказал ей Стриж.

– Теперь выживет, – добавил Вагай. – Нам вчера на закрытии съезда объявили.

– Ну и слава Богу! – сказала женщина, разливая водку по трем рюмкам. – За нас, за народ кровь пролил ваш генеральный. А мог бы, как Сталин, гнуть нас и гнуть. Или воровать, как Брежнев. А он... Вот за его здоровье и выпейте, ага...

Стриж, Вагай и Турьяк переглянулись. Женщина ждала, требовательно глядя на них. Мадонна пела что-то дико американское. Не сказав ни слова, они взяли рюмки и молча выпили.

– А он тоже в Афганистане был, – нюхнув свой кулак вместо закуски, Турьяк кивнул женщине на Стрижа. – Первым входил, между прочим...

– Офицерил, небось? – спросила у Стрижа женщина.

– Ну... – вместо Стрижа подтвердил Турьяк.

– Оно и видно... – сказала женщина скорее осуждающе, чем уважительно. И ушла на кухню. Там она уменьшила было звук в видеомэгнитофоне, но ее сын тут же вернул Мадонне полное, на весь ресторан, звучание. Турьяк крикнул и налил всем по второй.

– Н-да... – сказал он. – Дожили! Они нам и ногой в морду, и стулом по голове, а потом еще нотации читают!

– Сволочь этот Батурина! – Вагай с досадой стукнул кулаком по столу. – Ты видишь, что он наделал! Они теперь Горячеву цветы носят! Вчера еще про него анекдоты, а сегодня...

– Это только начало! – произнес Стриж, разглядывая графин с водкой так, словно видя в нем события ближайшего будущего.

– Начало чего? – трусливо спросил Турьяк.

– Культурной революции, чего! – вместо Стрижа ответил ему Вагай. – Мао Цзэдун свою оппозицию как уничтожил, не помнишь? – И, не ожидая ответа Турьяка, повернулся к Стрижу: – Может, объявить этого Батурина агентом сионистов?

– А что?! – тут же воспрянул Турьяк. – Если выяснится, что он «патриот», подсунуть версию, что он агент сионистов, а? Мол, стрелял в Горячева, чтобы опорочить братство «патриотов»...

Вагай и Турьяк смотрели на Стрижа. Все-таки было в нем нечто, что заставляло их признавать в нем лидера.

Стриж выпил свою рюмку одним глотком, помолчал, глядя за окно на пролетающую там очередную деревню, и повернулся наконец к своим друзьям.

– Нет! – сказал он. – Горячев пользуется ситуацией, чтобы стать в глазах народа святым и натравить страну против партии, – вот для чего эта дискуссия, – Стриж кивнул на «Правду». – Так что неужели мы, как бараны, пойдем под нож? А? Под суды трибуналов? А? Я спрашиваю?

– А что ты предлагаешь? – осторожно спросил Вагай.

– Встряхнуть надо нашего брата, вот что! – уверенно сказал Стриж. – Не отсиживаться по купе и не ждать трибуналов, а взять эту кампанию в свои руки – вот наша задача. Драка – так драка, едрена мать!...

3

Вашингтон, Белый дом. 08.25 по вашингтонскому времени (15.25 по московскому)

Старая «вольво» с затемненными стеклами и дипломатическим номерным знаком, запыленным настолько, что ни один журналист не смог вычислить, какому же посольству она принадлежит, на большой скорости прошла по Pennsylvania Avenue и свернула к Белому дому. Эта простая хитрость – импортная машина с запыленными номерами – должна была скрыть внеочередные визиты к Президенту руководителей CIA¹, Пентагона или других визитеров, о которых прессе знать совершенно ни к чему. Теперь водитель машины, приближаясь к заранее открытым для нее воротам Белого дома, снизил скорость, и машина миновала невидимую биомикроволновую проверку на взрывчатку, отравляющие вещества и т. п. Эта тайная «Система А» опознания была создана год назад для защиты Дома и его сотрудников от террористических актов.

Войдя в Овальный кабинет, адмирал увидел Президента за столом, начисто освобожденным от всех бумаг. Слева был пульт «ПСОВ» («Прямая Связь Особой Важности») с плоской коробкой видеомэгнитофона. Рядом, на подсобном столике, принтер и бело-слепой экран персонального компьютера Президента. Месяц назад Президент поставил компьютер в Овальный кабинет, демонстративно нарушив консервативную традицию сохранности этого офиса в старинном стиле, и пресса тогда много шумела по этому поводу, тем более что Президент по старинке все равно постоянно заваливал свой стол бумагами и дневниковыми записями – так старые бухгалтеры проверяют работу своих калькуляторов с помощью счетных машинок...

Сейчас отсутствие бумаг на столе Президента означало, что он встревожен просьбой адмирала принять его срочно и вне расписания и, убирая свой стол, как бы отстранился от всех прочих дел. Джон Риктон решил, что зря он, пожалуй, просил Президента об аудиенции по «ПСОВ». Но таков уж у него характер – нетерпеливый...

- Добрый день, господин Президент! – сказал он как можно быстрее.
- Хэлло, адмирал. – Президент протянул Риктону руку.
- Садитесь. Что будете пить?
- Ничего. Спасибо. – Адмирал сел. – Я не хочу отнимать у вас время, сэр.
- Что у вас, адмирал?

Ощувив напряженность в голосе Президента, Риктон достал из кармана видеокассету, встал и кивнул на видеомэгнитофон:

- Могу я?
- Конечно, – сказал Президент.

Для человека высокого или даже среднего роста не представило бы труда перегнуться через стол Президента и дотянуться до видеомэгнитофона. Но Риктон был ростом со знаменитого комика Джорджа Бернса. Поэтому ему пришлось обойти президентский стол, чтобы вставить кассету в видеомэгнитофон. Морскому адмиралу Джону Риктону было 69 лет, он был самым старым в нынешней команде Белого дома. Целый сонм советников отговаривал Президента назначать директором CIA этого «аутсайдера». Приводя в пример чуть не всю историю Агентства – оно работало успешно только тогда, когда во главе его стояли профессиональные разведчики Аллан Даллес и Вильям Кейси. Но Джон Риктон был командиром того авианосца, с палубы которого в 1962 году взлетела для перехвата русских судов в Карибском море верто-

¹ CIA – ЦРУ.

летная эскадрилья Стива – старшего сына Президента. Тогда, с 24 по 28 октября 196... года, вертолет Стива провисел в общей сложности 49 часов в двух метрах над капитанским мостиком советского судна, заблокированного на подходе к Кубе с грузом атомных боеголовок в трюмах. Именно в это время Роберт Кеннеди втолковывал Добрынину, что если русские не убьют с Кубы свои ракетные установки, «мы их ликвидируем сами» и при этом «будут не только мертвые американцы, но и мертвые русские». Но двадцатилетний Стив не знал тогда, о чем Роберт Кеннеди говорил с Добрыниным. И он не видел этих проклятых русских атомных боеголовок. Зато он хорошо видел самих русских и даже снял их на кино пленку – 62 русских моряка, экипаж русского судна. Зажатые с четырех боков американскими военными кораблями, снизу – американской подводной лодкой, а сверху – сменяющими друг друга эскадрильями военных вертолетов, эти русские парни сидели на палубе в ожидании приказа Москвы и, чтобы не сойти с ума от смертельного напряжения, безостановочно рассказывали анекдоты. Четверо суток. Президент хорошо помнил ту пленку – белые хохочущие лица с удивительным преобладанием металлических зубов в каждом рту, разинутым от истерического смеха. И это впечатление навсегда определило отношение Президента к русским: в смертельных ситуациях они хохочут, обнажая металлические зубы. И столь же хорошо, на всю жизнь, он запомнил рассказ сына о том, как капитан Джон Риктон напутствовал тогда его и остальных летчиков в эти полеты-дежурства над русскими судами. «Мальчики, вот вам слово техасского ковбоя: если эти fucking русские начнут стрелять, я не буду ждать разрешения Макнамарры ответить! Пусть мне это стоит карьеры или жизни, но тот, кто вас, не дай Бог, собьет, тот догонит вас еще на подходе к морскому дну, клянусь! А теперь – летите! Помните: Риктон за вами!»

Тридцать лет спустя эти слова стоили адмиралу Риктону поста министра обороны, потому что Президент не мог отдать все военное ведомство такому рисковому «техасскому ковбою». Но он отдал ему CIA, потому что в годы новой разрядки напряженности с русскими сотрудники этого заклеванного прессой Агентства нуждались именно в нем – руководителе, за спиной которого они могли чувствовать себя спокойно. И до сей минуты Президент еще ни разу не пожалел о своем решении...

Вот и сейчас он терпеливо, без насмешки проследил, как маленький Риктон обошел его стол, вставил какую-то кассету в видеомэгнитофон и нажал клавишу «Play». В тот же миг висевший на противоположной стене кристаллический экран, чуть вогнутый для создания стереоэффекта, вспыхнул, и Президент вдруг увидел крупно, во весь экран, лицо Николая Батурина, идущего прямо на камеру. Неделю назад этого человека узнал весь мир, все телестудии старались выкроить, выкадровать и увеличить крохотное изображение мужчины в сером костюме, который в числе таких же неброских фигур шел к авансцене Кремлевского зала с поднятой в левой руке белой запиской. Но даже в момент выстрела ни один оператор не успел перебросить на Батурина телевик своей камеры – так неожиданно прозвучал этот выстрел в рутине работы Коммунистического съезда в Москве. И у всех телекомпаний было на экранах одно и то же – абрис серой фигуры Батурина с нечетким лицом – до покушения, свалка возле авансцены, разбитое гэбэшниками лицо Батурина – ПОСЛЕ выстрела.

Но теперь убийца шел прямо на зрителя, и лицо его было во весь экран, и, как в лучших голливудских фильмах, вы могли прочесть в этих голубых глазах изумительную собранность, решительность, твердость. Вот он подходит к авансцене, левой рукой протягивает свою записку к вазе, разжимает пальцы, и в этот же миг его правая, с пистолетом, рука возникает на уровне его лица, объединяется с левой, зрачки голубых глаз чуть скосились вправо, но тут же и вернулись на место, остановились прямо на вас, и – грянул выстрел! Президент даже чуть отшатнулся – таков был эффект.

– Потрясающе! Где вы это взяли? – сказал он, забыв на секунду о тревожном смысле внеочередного визита директора CIA.

– Это ерунда, – небрежно сказал адмирал, довольный произведенным эффектом. – Конечно, за один этот кадр любая телестудия заплатила бы миллион. Но я руковожу «нон-профит» организацией. Смотрите дальше, сэр. Теперь вы увидите лицо каждого, я повторяю – КАЖДОГО делегата этого съезда. ДО, ВО ВРЕМЯ и ПОСЛЕ выстрела. Начнем с первого ряда...

Через минуту Президент понял, что принес ему адмирал Джон Риктон. Он принес ему живые, в движении и почти во плоти, портреты почти трех тысяч делегатов съезда Коммунистической партии Советского Союза. Крупным планом, на идеальном японском экране «High Defenition». И каждое лицо было сначала пустым, скучным и усталым, какими бывают лица в зале во время чрезмерно затянувшегося заседания. А затем, когда Батуриным выбрасывал вперед руку с пистолетом, лица делегатов взрывчато менялись. Они подавались вперед с глазами, расширенными от изумления и... ТОРЖЕСТВА. Такая вспышка торжества бывает в глазах дикого зверя при виде упавшей добычи. Да, не испуг, не страх, не гнев, а именно ТОРЖЕСТВО было в лицах делегатов съезда! И далее, после выстрела, когда Горячев боком упал на Кольцова, упал без вскрика и тяжело, как падает убитый, – в их глазах были РАДОСТЬ и ОГЛЯДКА, ОЖИДАНИЕ... Пусть весь перепад этих простых эмоций продолжался не более секунды или даже меньше, а затем люди брали себя в руки и диктовали своим лицам подобающее этому моменту выражение, – поразительно, до чего просто и ясно можно читать на человеческом лице, если застать его врасплох и многократно увеличить на киноэкране! Киноэкран выдает нюансы наших чувств и очень часто – даже мысли. Не было никаких сомнений в идентичности поведения первого десятка делегатов... второго... третьего... СКУКА – ИЗУМЛЕНИЕ – ТОРЖЕСТВО – ОГЛЯДКА и – ВЫЖИДАНИЕ, прикрытое фальшивым негодованием.

Под многими лицами были впечатаны их фамилии и должности: «ИГНАТ ЦИБУЛЯ, первый секретарь Полтавского обкома», «АЛЕКСЕЙ ЗОТОВ, первый секретарь Московского горкома...»

На тридцатом, наверно, телепортрете Президент остановил пленку. Он уже все понял.

– Итак? – сказал он адмиралу.

– Вы не хотите смотреть дальше? – произнес Риктон огорченно, уж очень ему нравился результат его работы.

– Я хочу знать ваши подсчеты, – сказал Президент. – Сколько делегатов съезда хотели, чтобы Горячев был убит?

Адмирал насупился. Опять Президент демонстрирует свой бесстрастно-компьютерный подход к делу. А вся эмоциональная оценка работы ребят из Агентства свелась лишь к тому, что Президент отпрянул от выстрела Батурина, как подросток в кинотеатре.

– Из 28 сотен делегатов – 2258, – сухо ответил адмирал.

– Сколько?! – Президент подался вперед от изумления.

«Ага, проняло!» – удовлетворенно подумал адмирал. Но вслух повторил без всякой окраски:

– 2258. То есть восемьдесят и шесть десятых процента.

– И вы знаете их пофамильно?

– На сегодня мы знаем пофамильно 72 процента делегатов, выразивших радость в момент покушения на Горячева, – подчеркнуто протокольно сформулировал Риктон. – Остальные, я полагаю, будут идентифицированы в течение недели.

Но Президент не обращал внимания на его тон.

– Сколько соучастников покушения было в зале?

– Судя по выражению лиц – ни одного.

– А на сцене, в Президиуме?

– Сэр, я склонен думать, что Батурин действовал в одиночку. Это подтверждает и сегодняшняя публикация в «Правде» его речи в трибунале. Просто он выразил их желание... – Риктон кивнул на экран.

– Вы думаете, Горячев знает о такой тотальной оппозиции?

– Если бы он знал, что их уже 80 процентов, он не дал бы им собраться всем вместе. Но теперь, после покушения, я думаю, он поверил Батурину и с перепугу затеял эту дискуссию. Вы слышали о ней, конечно? «Убивать или не убивать Горячева за его реформы...»

– Та-ак... – протянул задумчиво Президент. – Что же мы будем делать с этой пленкой?

Адмирал молчал. Он сделал свое дело, он дал Президенту документ неопенимой важности. Но он не услышал даже единого слова – ладно, не благодарности, но хотя бы оценки его работы! Интересно, сколько раз в истории США директор CIA не только ставил в известность Президента о том, что в России предстоит правительственный переворот, но и показал ему лица всех участников этого переворота?! А еще через две-три недели на основании заключения специалистов по физиогномике он, возможно, сможет назвать и вероятных лидеров этого переворота...

– Сколько военных в оппозиции? – спросил Президент.

– Не все представители армии были на этом съезде в форме, сэр. И то же самое – КГБ. Но с армией, в общем, давно известно. После ухода из Афганистана и сокращений на вооружение кадровые офицеры только ждут случая... Да это и в речи Батурина прозвучало.

– Та-ак... Ваши выводы?

– Мои выводы простые, – пожал плечами адмирал. – Исторически Горячев проиграл; перестройка русской экономики провалилась. Теперь весь вопрос в том, кто на кого сумеет свалить вину: Горячев на партийных бюрократах или партократия на Горячева. Сейчас у Горячева хороший шанс: простой народ всегда на стороне раненых. «Кровь, пролитая за людей» – это публика любит. Но дискуссия, которую он затеял в прессе, – это только отсрочка переворота. Она заставит противников Горячева громче всех петь ему дифирамбы и требовать смертной казни Батурину. А когда эта кампания кончится, переворот станет неизбежен. Если, конечно... – Адмирал умолк, держал паузу.

– Если мы не пошлем ему эту пленку, вы хотите сказать.

– Это в вашей власти, сэр.

– И он их всех расстреляет?

– Я думаю, у него нет альтернативы. Иди он их, или они его. То есть они-то в него уже стреляли. – Риктон усмехнулся: – Теперь его черед...

Вот оно, подумал Президент. Вот один из тех моментов, которые он ненавидел больше всего в своей президентской службе. Когда только он, он один должен принять решение, от которого может зависеть судьба страны. Говорят, что в такие моменты великих политиков спасают интуиция, сверхчутье на ход Истории. Но на него в такие моменты наваливается просто удушье, и мучает, и размазывает по стене, и кричит: «На кой черт ты сел в это кресло?!» Боже, какой ужасный выбор: спасти Горячева ценой жизни двадцати двух сотен русских коммунистов или сделать вид, что ты ничего не знаешь и пусть они угробят его при следующей попытке... Он враждебно взглянул на адмирала:

– Зачем вы мне это принесли?!

– Извините? – изумленно переспросил адмирал.

Президент наклонился вперед так, что грудью уперся в стол.

– Я не доносчик! Я не могу положить Горячеву на стол расстрельный список! Я – Президент Соединенных Штатов! – почти выкрикнул он.

Изумление на лице адмирала и побелевшее лицо секретарши Кэтрин, испуганно заглянувшей в дверь, заставили Президента опомниться. Он жестом приказал Кэтрин закрыть дверь.

– Извините, адмирал...

Черт возьми, разве им объяснишь! После дела Оливера Норта уже никто в Белом доме не берет на себя смелость сделать хоть что-то без ведома Президента! В конце концов, если бы аналогичная ситуация возникла лет пять назад, Вильям Кейси нашел бы возможность отправить эту пленку Горячеву БЕЗ ВЕДОМА Президента Рейгана! Но теперь... Где-то там, на другой стороне земного шара, в больничной палате, лежит раненый Горячев – коммунист, но с одним положительным качеством – чувством реальности.

Президент даже не замечал, что он уже давно встал из-за стола и вышагивает от стены до стены под удивленным взглядом адмирала. Когда Рональд Рейган объявил миру, что эпоха завоевания мира марксизмом закончилась, никто в мире не отнесся к этому так серьезно, как Горячев. Горячев первый понял, что это – правда. И повел себя соответственно: стал спасать хотя бы то, что имел – коммунистический режим в советском блоке. Правда, и это ему не удается...

– Почему я должен спасать Горячева? – вдруг остановился Президент перед адмиралом. В его мыслях появились холодная ясность и ожесточение.

– Вы ничего не должны, сэр, – сказал адмирал. Он еще никогда не видел Президента таким возбужденным и не понимал, что с ним происходит. – Во всяком случае, сейчас не должны. Эти русские противники Горячева... Сейчас они все попрячутся или, наоборот, будут громче всех кричать осанну Горячеву. И только после этого... Впрочем, Горячев, может быть, и потом вывернется. Вы же знаете, у него какая-то дьявольская способность к выживанию. Уже сколько раз...

– Вы не ответили на мой вопрос, – перебил Президент. Он тоже хорошо знал Джона Риктона и понимал, что старик только изображает служаку-простачка. – Почему я должен спасать Горячева? Сейчас или когда-нибудь в будущем?

Адмирал ожесточился. Он молча подошел к видеомэгнитофону и с силой снова нажал кнопку «Play». Черт возьми, как бы говорил он этим, если у тебя есть глаза – смотри! На экране вновь поплыли портреты коммунистической элиты СССР. «РОМАН СТРИЖ, первый секретарь Свердловского обкома КПСС», «ФЕДОР ВАГАЙ, начальник Свердловского управления КГБ», «МАНСУР УСУМБАЛИЕВ, первый секретарь Ташкентского горкома КПСС»...

– Вы видите эти лица, сэр? – почти сухо спросил адмирал. – А теперь я прочту вам первое, пробное заключение физиогномистов моего Агентства. Подчеркиваю: это заключение лишь по первым трем сотням лиц. – Адмирал достал из кармана сложенный втрое листок. – С завтрашнего дня я сажаю на эту работу целую бригаду независимых психиатров. Но слушайте пока то, что есть: «Ознакомившись с представленными телепортретами... используя компьютерные методы физиогномики...» – Он бежал глазами по строчкам на своем листе. Нет, он вовсе не собирался читать это Президенту, когда просил о срочной аудиенции. Ведь эта работа еще не закончена. Но теперь... – Вот! «Доминирующими чертами большинства предъявленных лиц являются комплекс социальной неполноценности и внутренняя агрессивность. Сравнение с социально-психологическими типами русского народа, разработанными на основе компьютерного анализа всей русской литературы от Пушкина до Солженицына, показывает, что данные лица относятся, говоря языком американских стандартов, к категории мафиози, наиболее точно представленных в фильме «Godfather...».

– Стоп! – прервал Президент и поморщился. – Это ерунда, Джон! Половину таких лиц вы можете найти в любом пабе Огайо. Но даже если бы они были Оракулами, это не значит, что я должен отправить их на расстрел! – И он снова заходил по кабинету.

– Вообще-то я не за этим пришел, господин Президент, – сказал Риктон. – Но, с другой стороны, если они возьмут власть в России...

– То что? Что случится? Конкретно!

Адмирал вздохнул.

– Хорошо, – сказал Риктон. – У меня есть еще одна пленка. Не здесь. В Агентстве. Но думаю, вы мне поверите на слово. Так вот. В мае 1987 года в Москве, на Красной площади, были три гигантские демонстрации общества «Память». Вы, конечно, о них слышали. По сути, это русские шовинисты с лозунгами уничтожения всех евреев мира и создания Великой России от Сибири до Константинополя. Старая маньячная русская идея времен Достоевского. Вчера один из моих парней взял в архиве телестудии ABC пленку с теми демонстрациями. И мы стали крутить эти пленки на двух экранах одновременно. Вы не поверите, сэр, это те же лица! Не все, конечно, но многие. Мы, конечно, не поверили сами себе и засунули обе пленки в опознающе-системный компьютер. За ночь он обработал первую сотню вот этих лиц. – Адмирал вновь кивнул на экран. – И что же? Шестьдесят два из них принимали участие в той демонстрации! Вы понимаете? Эти русские шовинисты не стали создавать свою отдельную партию, три года назад это еще было невозможно в России. Но они просто овладели коммунистической. Вы понимаете?

– Да, – усмехнулся Президент. – Ну и что? А Горячев распустил колхозы, отдал землю крестьянам, и уже в этом году Россия вполовину сократила закупки нашего зерна. Так что, если русские шовинисты уберут Горячева и восстановят колхозы, фермеры Огайо им только спасибо скажут!

Адмирал замолчал. При чем тут фермеры Огайо? Если Президент предпочитает не слышать того, что ему говорят, это уже его, Президента, проблема.

И вдруг Президент остановился перед адмиралом и сказал совсем иным тоном:

– А почему мы законсервировали SDI? Почему мы убрали ракеты из Европы?

– Я? – изумился Риктон.

– Да, вы! Я, вы, Конгресс – мы все! Вечно мы шли русским навстречу! Ленину нужны были деньги для строительства коммунизма – Хаммер тут как тут, концессии! Сталин захотел пол-Европы превратить в концлагерь – пожалуйста! Брежневу и Горячеву нужен детант – ради Бога! Почему русские всегда получают все, что хотят и когда они этого хотят? В результате – лично под Горячева законсервировали SDI и разоружили Европу. А теперь вы приходите ко мне и говорите: завтра в этой империи к власти придут фашисты! И что я должен делать? Что?

Адмирал молчал. Он всю жизнь прослужил в военном флоте, он воевал с немцами, с японцами, с корейскими и вьетнамскими коммунистами, и, видит Бог, все, что тут кричит Президент, лично к нему не имеет никакого отношения, он никогда не высказывался за вывод ракет из Европы.

Но Президент не отступал:

– Отвечайте, Джон!

– Сэр... – Риктон кашлянул в кулак. – Через три недели я положу вам на стол список лиц, которые, судя по заключению физиогномистов и психиатров, могут возглавить антигорячевский заговор, а далее вы будете решать...

– Значит, так! – сказал Президент и сел в свое кресло. – Всю эту работу не только засекретить самым жестким образом, но и отменить участие в ней всех, кто вне штата вашего Агентства, и никаких экспертов со стороны! Это раз. Второе. Передайте всем вашим парням, которые участвовали в этой операции, мою благодарность. Я думаю, им пришлось здорово попотеть, чтобы получить на пленке такое изображение. Наградите их месячным окладом... Ну, сами решите, из своего фонда. И, наконец, третье. Скажите мне, адмирал, вот их было на этом съезде почти три тысячи делегатов. Из них двадцать две сотни – противники Горячева. Так почему они не проголосовали против него? Почему все как один голосовали «за»?

Адмирал усмехнулся – конечно, Президенту США было бы куда легче жить, если бы русских, филиппинских, иранских, ливийских и прочих диктаторов отстраняли от власти простым голосованием! Но в этом случае они бы не назывались диктаторами...

– Сэр, – сказал адмирал. – Фокус коммунизма заключается в том, что там все голосуют «за». «Против» голосуют только мертвые. Я могу идти?

Президент молчал.

Риктон потянулся к видеомagniтофону. Там все еще крутилась пленка, беззвучно посылая на огромный экран изображение русских коммунистов с глазами, вспыхивающими радостью в момент выстрела в Горячева.

– Я думаю, у вас есть еще одна копия? – сказал Президент.

– О, конечно... – замер Риктон.

– Тогда эту оставьте мне.

– С удовольствием. Всего хорошего, господин Президент. – Адмирал направился к двери.

– Минутку, – остановил его Президент. – А зачем вы вообще снимали этот съезд на свою пленку?

Адмирал повернулся от двери. Он не мог отказать себе в удовольствии хотя бы на прощание сказать то, что собирался сказать Президенту с самого начала встречи.

– Мы не просто снимали этот съезд на пленку, сэр. Мы создали эту пленку специально ради этого съезда. Потому что с первого дня моей работы в Агентстве я мечтал о такой возможности – иметь полную картотеку этих типов. – Адмирал кивнул на очередное лицо коммунистического деятеля, возникшее на экране. – Посмотрите на него! Ведь теперь я про каждого из них могу сказать, что они любят – женщин? деньги? водку?.. Правда, сначала у меня была другая идея. Я мечтал показать эти лица Конгрессу накануне очередного голосования по SDI и заодно сравнить интеллектуальный уровень этих коммунистов с уровнем наших конгрессменов. Но боюсь, что счет будет не в нашу пользу, а Конгресс тут же срежет мне финансирование Агентства до нуля. Я могу идти?

– Вы куда-нибудь спешите, Джон? – грустно спросил Президент.

– Я? – удивился адмирал. – Нет, никуда... Просто я не хотел отнимать ваше время...

– Вы уже отняли у меня куда больше... – Президент вздохнул. – Вы знаете, в чем наша беда, Джон? Мы научились видеть каналы на Марсе и пыль на Юпитере. Мы умеем предсказывать погоду и экономические кризисы. Но мы никогда не могли предсказать хотя бы за день, что там произойдет у этих русских. Даже сам Горячев свалился нам как снег на голову...

– Сэр, я принес вам такой прогноз.

– Где гарантии, Джон? Вы знаете, сколько прогнозов ложится на этот стол каждый день?

Адмирал не ответил.

Президент усмехнулся:

– Н-да... Я вас понимаю. На то я и Президент... Ладно, можете идти, адмирал.

Риктон вышел, закрыв за собой дверь.

Но Президент уже не видел этого.

Он сидел один в тихом Овальном кабинете и смотрел на лица русских коммунистов, плывущие перед ним на экране. Какие-то у них действительно мафиозные лица. Поколение 30 – 40-летних. Одно лицо, второе, третье... СКУКА – ИЗУМЛЕНИЕ – ТОРЖЕСТВО – ОГЛЯДКА – ВЫЖИДАНИЕ... Боже, до чего они похожи на тех молодых русских матросов, которые во время Кубинского кризиса сидели тогда на открытой палубе своего корабля! Неужели в России действительно будет фашизм? Это страшно, но, Господи, сколько раз его уже пугали этим, и сколько раз сам Горячев пугал этим своих противников? А с другой стороны, даже если бы все эти типы были морскими пиратами со стальными зубами, может ли он, Президент США, одним движением отправить Горячеву их имена для расстрела?..

Какой-то посторонний звук, и даже не звук, а колебание воздуха отвлекло его от экрана. Он перевел взгляд на дверь кабинета.

В двери стояла его секретарша. Конечно, прежде чем впустить следующего визитера, она хотела бы знать, не нужна ли Президенту хотя бы чашка кофе.

– Нет, Кэтрин, спасибо. Как зовут нашего врача, который неделю назад вынимал пулю у Горячева?

– Операцию делали русские врачи, сэр. Наш врач только наблюдал. Его зовут Майкл Доввей. Он вам нужен?

4

Москва, ЦК КПСС на Старой площади. 16.30 по московскому времени

В ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

от М. Ясногорова, председателя
Партийного трибунала ЦК КПСС

ЗАЯВЛЕНИЕ

Сегодня, 15 августа с.г., в газете «Правда», органе ЦК КПСС, без ведома членов Партийного трибунала опубликована речь подсудимого Н. Батурина на закрытом заседании трибунала и объявлена дискуссия на тему «Убивать или не убивать товарища Горячева за его «перестройку»?..»

Эта акция «Правды» является грубым нарушением «Положения о Партийном трибунале», где сказано: «Ни один партийный или советский орган не имеет права вмешиваться в работу трибунала или оказывать давление на его членов».

Как публикации речи Батурина, так и объявленная газетой дискуссия представляют собой открытую попытку оказания давления на наше решение со стороны руководства ЦК КПСС, которому подчинена газета «Правда». В связи с этим я не считаю для себя возможным выполнять впредь обязанности председателя Партийного трибунала, о чем и ставлю Вас в известность.

Марат Ясногоров

Москва, 15 августа с.г.

– А чем, собственно, мешает вам эта дискуссия? – спросил Кольцов раздраженно, упершись взглядом в заявление Ясногорова. И тут же почувствовал, как Ясногоров изумленно вскинул на него свои огромные, болезненно расширенные глаза. Словно спрашивал: «Неужели вы сами не понимаете?»

Однако Кольцов не поднимал глаз от стола. Борису Кольцову было за шестьдесят. Горячев, обновив практически все Политбюро, не ввел в его состав ни одного человека моложе себя самого. А поручив Кольцову контроль за прессой и идеологией, вынуждал его постоянно находиться между молотом ретивых и готовых все взорвать перестройщиков и наковальной консерваторов из партаппарата.

И эта работа по принципу «и вашим, и нашим» все больше раздражала Кольцова, потому что все уступки настырным «демократизаторам», «плюралистам» и «либералам» – публикация ли Солженицына, разрешение ли на регистрацию новых партий и т. п. – Горячев проводил, как бы преодолевая его, Кольцова, сопротивление. И только он, Кольцов, знал, что все разговоры Горячева о «взвешенном подходе», «поступательном движении», «необходимости точного расчета» – это просто отражение жуткой, почти болезненной нерешительности самого Горячева, его страха сделать очередной, даже самый маленький шаг. Но сколько же можно сидеть одним задом на двух стульях?!

Не дождавшись ответного взгляда, Ясногоров откинулся в кресле.

– У этой дискуссии одна цель, – сказал он громко и уверенно. – Выявить противников товарища Горячева и мобилизовать против них общественное мнение страны. При этом: даже если противники товарища Горячева уклонятся от дискуссии, всенародная кампания восхваления Горячева, организованная прессой, должна напугать их, показать, что народ их растерзает, если они захотят сместить Михаила Сергеевича...

– Ну-ну... – произнес Кольцов. – Но даже если так – как это мешает работе трибунала?

– Очень просто! – Ясногоров пожал плечами. – С завтрашнего дня в «Правде» и во всех других газетах начнут публиковать сотни писем трудящихся с требованием расстрелять не только Батурина, но вообще всех, кто недоволен реформами Горячева. Митинги народного гнева будут транслировать по телевидению...

– Откуда вы знаете? – уязвленно перебил Кольцов. Весь день он как раз и занимался организацией таких митингов и потому не принял Ясногорова с утра, хотя тот явился со своим заявлением еще шесть часов назад и все шесть часов просидел внизу, в Приемной ЦК...

– Из истории. Покушение на Ленина в августе 18-го года было предлогом первой волны красного террора и моделью всех остальных сталинских репрессий. Они всегда были оформлены как «гневная отповедь народа врагам партийной линии». Сейчас начнется то же самое. В результате, если человек когда-нибудь позволил себе публично критиковать политику Горячева – не важно, с какой стороны, слева или справа, – его теперь заклеят «батурином» и «врагом народа». И в такой обстановке члены трибунала не могут вынести Батурина никакого иного приговора, кроме расстрельного. Но я не хочу в этом участвовать, извините!

– А вы считаете, что Батурина нужно оправдать? – осторожно спросил Кольцов.

– Видите ли, до тех пор, пока Политбюро ЦК не освободит меня от поста председателя трибунала, я не имею права высказывать свое личное мнение о подсудимом, а тем более – о мере наказания, – ответил Ясногоров, глядя Кольцову прямо в глаза.

Кольцов просто физически ощущал, как он оценивает его взглядом своих огромных пронзительных глаз. Но, похоже, живое любопытство на обычно замкнутом лице Кольцова поощрило Ясногорова к откровенности.

– Скажем так... – произнес он. – Имеет ли право партия судить своего члена за то, что сама практикует с первого дня своего прихода к власти? Ведь физическое уничтожение противников было для нас методом и захвата власти, и удержания ее на протяжении всей нашей истории. Партократия ради своего выживания убила Берию, свергла Хрущева и так далее. А теперь – стреляла в Горячева. Следовательно, Партийный трибунал должен сначала определить, насколько Батурин является продуктом партийного воспитания, а уж затем думать о приговоре. Однако теперь, после этой публикации в «Правде», даже обсуждать такие вопросы нелепо! – Ясногоров сделал презрительный жест в сторону свежего номера «Правды», лежащего на столе у Кольцова.

Некоторое время Кольцов рассматривал Ясногорова в полной тишине изумления, как рассматривал бы полярный медведь попавшего на льдину жирафа. Вот те и раз – покушение Батурина – это результат партийного воспитания!.. Значит, вот это и есть та новая партийная молодежь, которая открыто именует себя «неокоммунистами», как бы отрекаясь от всех прочих коммунистов – «ленинцев», «сталинцев», «брежневцев» и даже «горячевцев»? Да он и одет по моде этих «новых коммунистов» – под разночинца XIX века: косоворотка под потертой вельветовой тужуркой, парусиновые брюки и парусиновые же туфли. Даже одеждой они демонстрируют возврат в доленинскую эпоху. И такого «неокоммуниста» административный отдел ЦК утвердил на пост председателя Партийного трибунала?! Они там что – с ума посходили? Сначала проморгали Батурина, а теперь...

Кольцов набрал на пульте видеосвязи код начальника картотеки ЦК. Тут же зажегся телеэкран, на нем возникло внимательное мужское лицо, готовое к выполнению любого задания.

– Слушаю вас, Борис Иванович.

– Личное дело Ясногорова, – сказал Кольцов и повернулся к Ясногорову: – Ваше имя-отчество?

– Марат Васильевич, – сказал Ясногоров.

– Марат Васильевич Ясногоров, – повторил Кольцов в глазок видеокамеры.

– Секундочку, – произнес начальник картотеки. Было видно, как он беглым движением пальцев набирает на терминале компьютера фамилию и имя-отчество Ясногорова.

– Прошу вас...

Вслед за этим лицо начальника картотеки исчезло с экрана, и вместо него возникла фотография Ясногорова семи-восьмилетней давности, сделанная, видимо, тогда, когда Ясногоров вступил в партию. Затем, как титры в кино, поплыли данные: дата и место рождения, национальность, образование, семейное положение, место работы, какими иностранными языками владеет... И пока Кольцов считывал глазами сухую информацию – русский... закончил исторический факультет Куйбышевского университета... холост... работает учителем истории в Томске... владеет английским (хорошо), немецким (слабо)... – он не переставал думать о том, как же быть. Послать этого Ясногорова к чертовой матери, а членам трибунала объявить, что он заболел? И пусть они выберут себе нового председателя и быстрее выносят приговор без всяких этих историко-психологических выкрутасов. Батурина нужно казнить – это сразу утихомирят тысячи вот таких, как этот Ясногоров, и еще тысячи, которые и похлеще него, а главное, это заставит Горячева стать наконец той «жесткой рукой», которая так нужна сегодня России. Если бы Батурина убил Горячева, эта жесткая рука стала бы носить другую фамилию – Лигачев, Рыжков, Ельцин, Митрохин или даже Кольцов, но теперь дело не в смене фамилии Генсека, а в смене всей внутренней политики. Жесткость и стремительность – вот что нужно! А то уже начались разговоры: кто выдвигал Батурина секретарем горкома партии? Почему Секретариат ЦК утвердил его делегатом съезда? И вообще – кто у нас курирует идеологию и моральный облик партийных кадров?

Но, с другой стороны: состав трибунала был опубликован в «Правде» неделю назад, и если вслед за Ясногоровым еще кто-нибудь из членов трибунала заявит самоотвод – это уже будет скандал!..

Досмотрев файл до конца, Кольцов выключил видеосвязь и опять взглянул на Ясногорова. Тот сидел в кресле по-прежнему прямо – даже неестественно прямо, как птица, застывшая на ветке. За его спиной было большое окно, выходящее на Старую площадь, и щуплая фигура Ясногорова почти не заслоняла пыльно-зеленые верхушки деревьев и рыжие крыши Солянки. Поодаль, над Садовым кольцом, патрульные армейские вертолеты чертили зеленое небо – в Москве все еще было военное положение. И Кольцов вдруг почувствовал приступ раздражения и апатии – ведь ясно, теперь-то уж совершенно ясно, что спасти страну, власть, уберечь Россию от кровавого потопа можно только железной рукой. А он опять вынужден вилять, лавировать, дипломатничать с этим «неокоммунистом», мять его под себя, чтобы избежать еще одного скандала.

– Значит, вы считаете, что есть разница между политическим убийством и, скажем, убийством уголовным? – спросил Кольцов.

Ясногоров резко подался вперед всем своим худым телом и воскликнул обрадованно:

– Вы поняли? Вы поняли меня! Эт-т-то замечательно! Просто замечательно!!! Просто замечательно!!! Конечно! Огромная разница! У человечества есть тысячелетний опыт судов уголовных, но судам над террористами всего сто лет! И – никаких правил! Смотрите: самое первое политическое покушение было совершено в России 13 июля 1877 года. Вера Засулич стреляла в петербургского градоначальника генерала Трепова за то, что он приказал высечь плетьюми политического заключенного. И суд присяжных оправдал Засулич! Понимаете? Суд наших, русских присяжных оправдал террор! С этого все началось, и, может быть, именно в этой точке истории лежит ошибка. Потому что дальше пошло по нарастающей. Уже через

четыре года убит Александр Второй, потом – Столыпин. И разве был в России хоть один район, где ленинская партия пришла к власти без террора, простым и открытым голосованием? Никогда, нигде! Только оружием! Смотрите: Временное правительство мы арестовали и свергли. Царя и его семью – расстреляли. Учредительное собрание – разогнали. Советами – овладели. Конкурирующие партии – уничтожили. Крестьян в колхозы – загоняли. Иными словами: мы сделали террор универсальным оружием на все случаи жизни. Даже против целых народов – поляков, венгров, афганцев... А теперь я хочу вас спросить: разве вы будете судить волчонка за то, что он вырос и хочет загрызть вожака стаи? Будете?

– Я-то не буду. Но волки... – улыбнулся Кольцов, поощряя Ясногорова на откровенность.

– Вот! Волки! – Ясногоров даже привстал торжествуя и поднял указательный палец, как школьный учитель, поймавший правильную мысль в ответе ученика. – В этом все дело! Конечно, несколько лет назад Батурина шлепнули бы без всяких разговоров! Но теперь дело Батурина ставит перед нами вопрос: кто мы? Партия волков – все та же сталинско-брежневская? Или мы избавимся от репрессивной волчьей психологии и войдем в XXI век партией подлинного гуманизма?

– То есть вы хотите судить партию, но оправдать Батурина, так? – вдруг резко, в упор спросил Кольцов.

Но Ясногоров даже не смутился. А лишь огорченно опустил в кресло и вздохнул от досады:

– Да при чем тут «оправдать», «осудить»? Я не адвокат и не судья! Я школьный учитель. Но я считаю: если партия ведет борьбу за искоренение сталинизма, то и Партийный трибунал должен быть новым – не карательным органом, а трибуналом от слова «Трибуна». С этой трибуны мы должны выразить свое отношение к современному политическому террору во всем мире – раз, к нашей исторической партийной традиции физического устранения противников – два и к Батурину как к выразителю этой традиции – три.

– Так... Понятно... – Кольцов постучал пальцами по крышке стола. Вот то, о чем он предупреждал Горячева с самого начала: рано или поздно гласность превратится в суд над партией. – Но я не думаю, что страна готова сейчас к таким откровениям...

Ясногоров покровительственно усмехнулся:

– В школе подростки говорят мне и не такое!

– То есть? – спросил Кольцов. У него вдруг мелькнула новая идея, и теперь ему нужно было время размять ее и оценить возможности. Что, если из рук этого «неокоммуниста» Горячев получит оправдательный приговор Батурина и будет вынужден сам, собственноручно, переписать его в обвинительный, смертельный? О, это было бы гениально!

– Вы себе не представляете, какие вопросы задают подростки на уроках истории и как стыдно, как чудовищно стыдно подчас говорить им правду! – Ясногоров произнес это с такой страстью и болью, что Кольцов почти воочию увидел его в школьном классе наедине с тремя десятками атакующих подростков. Так вот откуда эта риторика и манера проводить исторические параллели. – Я иногда думаю, – горячо продолжал Ясногоров, – что даже немцем быть легче, чем коммунистом! Ведь немцы открыто признали свою коллективную вину за уничтожение двадцати миллионов людей, и это раскаяние их очистило и обновило. А наша партия уничтожила шестьдесят миллионов людей СВОЕГО народа, но мы не признаем коллективной вины, а сваливаем все на Сталина, на Берию, на Мехлиса... Да все грузины, поляки и евреи, вместе взятые, не в состоянии убить шестьдесят миллионов русских! Мы, мы сами всегда истребляем себя, и Батурина – производное этого психоза. Именно потому партии надо покаяться и через это – очиститься! – закончил он с болью.

– Хорошо, – сказал Кольцов, ища новый подход к этому типу. Он уже принял решение. – Я обещаю: через год-два мы вернемся к теме террора. И вам не придется стрелять в меня или в Горячева, чтобы высказать свою позицию...

Ясногоров устало поднялся. Саркастическая усмешка искривила его губы – мол, сколько раз мы уже слышали это «подождите», «еще не время», «народ не готов»!.. Но не это взорвало Кольцова. А то, что этот мальчишка, этот сопляк вдруг двинулся к выходу именно тогда, когда он, Кольцов, решил оставить его на посту председателя трибунала. Подал заявление, как клерку, и пошел!

– Слушайте, вы! – почти крикнул Кольцов и пальцем показал Ясногорову обратно на кресло. – Сядьте! Это ЦК, а не школа! Садитесь! И скажите мне вот что. Если мы уж такие чистые и новые коммунисты, то как насчет того, чтобы отдать власть? Вообще! А? Ведь она добыта нечестно – террором! И держится на терроре, да? Так, может, коммунистам уйти от власти? Освободить Кремль? – Он сам не понимал, что с ним такое, почему он так сорвался. Или вся эта неделя с момента выстрела в Горячева была одной напряженной струной, и теперь эта струна лопнула на этом мальчишке? – Ну! Отвечайте?!

– Я думаю... – ответил Ясногоров стоя.

– И что же? – победно усмехнулся Кольцов, чуть остывая.

– Я думаю, это было бы самое правильное. Для партии. Но вы этого никогда не сделаете.

– А вы бы сделали на моем месте, да? – уже успокаивался Кольцов. Да, такому, как Ясногоров, не прикажешь, его нужно обломать. – И кому бы вы отдали власть? «Памяти»? Национал-монархистам? – продолжал Кольцов насмешливо, но уже с почти отеческой укоризной и доверительностью. – Ведь при действительно свободном голосовании народ всегда выбирает националистов. А они вас первых повесят, именно вас – первых! Как евреи Христа...

– Может быть... Это может быть... – задумчиво произнес Ясногоров. – Но, с другой стороны, это так мучительно – жить с чувством вины и не каяться! Не очиститься...

– Подождите, очистимся... – сказал Кольцов, уже забавляясь с этим Ясногоровым, как кот с мышью. Он смаковал про себя свое решение. Если этот Ясногоров его, Кольцова, довел до взрыва, то что же будет с Горячевым?! Конечно, это не очень по-джентльменски – подсовывать раненому такие «сердечные» пилюли, но, черт возьми, если Горячев поставит свою подпись под смертным приговором Батурина, это будет началом новой эры!

Изобразив на лице предельную озабоченность, Кольцов спросил:

– Значит, вы считаете, что газетная дискуссия может отразиться на позиции членов трибунала?

– Не «может», а наверняка отразится! – устало, как тупому ученику, объяснил Ясногоров. Он уже потерял веру в то, что Кольцов способен понять его.

Но Кольцов был терпелив. Теперь он был терпелив. Он вообще умел быть терпеливым, когда считал это необходимым.

– А долго вы еще будете разбирать это дело? – спросил он все тем же озабоченно-деловым тоном.

– Это зависит не от нас, а от КГБ. Я поручил товарищу Митрохину проверить, не было ли все-таки за спиной у Батурина заговора или акции вражеской разведки.

Кольцов поймал себя на том, что даже удивился: 32-летний школьный учитель «поручил» председателю КГБ!

Неужели в Сибири еще можно сохранить такую моральную девственность? Или это тоже отличительная черта нового поколения? Впрочем, разве не сказано в «Положении о трибунале», что ВСЕ партийные органы обязаны оказывать ему помощь в работе?

– Что сказал вам товарищ Митрохин? – без всякой улыбки спросил Кольцов.

– Пока ничего. Но у него есть еще неделя, – ответил Ясногоров.

– Вы что – дали ему срок?! – все-таки не выдержал Кольцов. Даже он, Кольцов, не рисковал назначать сроки Павлу Митрохину – члену Политбюро, председателю КГБ и любимчику Горячева.

– Нет, – сказал Ясногоров. – Просто я сказал товарищу Митрохину, что трибунал не может ждать вечно, и, если в течение двух недель у КГБ не будет данных о заговоре или иностранной акции, мы будем исходить из того, что Батулин действовал в одиночку. Одна неделя уже прошла.

– Понятно. Хорошо! – Кольцов двумя руками уперся в край своего стола и чуть откатился на кресле, откинулся в нем и вытянул ноги. Так он всегда готовил себя к тому, что он называл «взять быка за рога». Тут был как раз такой случай. Молодой бычок с огромными базедовыми глазами должен вернуться в трибунал и выполнить ту работу, которая нужна ему, Кольцову. – Для того чтобы оградить трибунал от какого-либо нажима, мы сейчас в течение получаса вывезем вас и всех остальных членов трибунала на подмосковную дачу ЦК. Там у вас не будет ни радио, ни газет, ни телевизора до тех пор, пока вы не вынесете приговор. То есть вы будете отрезаны от любого давления извне. Согласны?

Ясногоров наклонил голову к левому плечу и рассматривал теперь Кольцова чуть сбоку и снизу вверх, явно обдумывая, какой тут может быть подвох.

– Безусловно, все материалы, всех свидетелей и обвиняемого вам будут доставлять по первому вашему требованию, – добавил Кольцов.

– Но ведь речь Батулина уже опубликована! – наконец сказал Ясногоров.

– Виновные в этом понесут наказание, – с лукавой готовностью отпарировал Кольцов.

– То есть... То есть как?! – изумился Ясногоров. – Разве это не Горячев приказал напечатать?

– Он. Но без ведома Секретариата ЦК. И мы это обсудим на Политбюро. Конечно, когда товарищ Горячев выздоровеет. Вы напишите официальный протест от имени трибунала.

– Я... я не к этому стремился... – смешался Ясногоров. – Вы... вы хотите сказать, что на Политбюро вы... вы можете обсуждать приказы самого Горячева?!

– А почему же нет? Вы знаете, чей это был кабинет? Жданова и Суслова. Если теперь вы можете говорить здесь все, что вы только что наговорили, то почему я не могу говорить все, что думаю, на заседании Политбюро? Или только вы смелые – молодые?

– Нет, я этого не сказал... – задумчиво произнес Ясногоров и уже по-иному, с каким-то новым вниманием посмотрел на Кольцова. – Неужели?... И вы считаете, что все, что я вам только что сказал, мы сможем изложить в приговоре?

– Не только сможете, но обязаны! Если, конечно, члены трибунала разделяют вашу позицию. Или если у вас хватит эрудиции убедить их... – откровенно дожимал Ясногорова Кольцов.

Но Ясногоров даже не почувствовал этого.

– Но в таком случае я... – сказал он, еще не очень решительно. – Могу я забрать заявление и продолжить работу в трибунале?

...Когда закрылась дверь, Кольцов соединился по видеосвязи с главврачом Кремлевской больницы. Кивнув на приветствие академика Бахтина, спросил:

– Как самочувствие Михаила Сергеевича?

– Идет на поправку... – сказал Бахтин.

– Очень хорошо. Спасибо!.. – энергично поблагодарил Кольцов. И, выключив видеосвязь, долго смотрел в окно на летающие над городом военные вертолеты. Да, переворот, на который надеялся Батулин, переворот, который готовили и, конечно, продолжают готовить силы анти-реформы (интересно, почему они не выступили на съезде?), – этот переворот произведет он один, сам – внутри Горячева!

День третий 16 августа 199... года

5

Москва, Посольство США. 15.05 по московскому времени

– Good afternoon, sir...

Посол, не ответив, жестом показал Майклу на дверь задней комнаты своего кабинета – эту комнату в посольстве называли bag free. Черт возьми, подумал Майкл, проходя туда впереди посла. Он никогда не был в bagfreeroom – что тут делать посольскому врачу?

Однако ничего необычного в этой комнате не было – несколько мягких кожаных кресел, стол, бар с выпивкой, мягкий свет ламп дневного света, книжные полки. Правда, ни окон, ни телефонов, а на столе какой-то небольшой пульт. Пульт биоволновой защиты, догадался Майкл.

Посол закрыл дверь, подошел к пульта и нажал несколько кнопок. Майкл огляделся, но никаких биоволн не почувствовал. Сияйэшники клянутся, что биоволновая защита экранирует любое подслушивание, но стоит эта чертовщина столько, что экранировать в посольствах можно пока только одну-две комнаты.

– Майкл, через восемь часов вы встречаетесь в Вашингтоне с нашим Президентом...

– Что-о?!

– Но об этом не должна знать ни одна душа. Сейчас вы вернетесь в свой кабинет, и ровно через двадцать минут вам позвонит ваша невеста из Брюсселя...

– У меня нет никакой невесты! Тем более в Брюсселе, сэр! – Майкл изумленно заморгал ресницами.

– Это не важно. Это объяснит причину вашего неожиданного отъезда. Она скажет, что прилетела из Штатов всего на сутки, и если вы хотите провести с ней ночь, то должны тут же лететь в Брюссель. Что вы и сделаете с большим энтузиазмом – прибежите ко мне за разрешением и – в аэропорт! Вы должны успеть на шестичасовой рейс «Люфтваганзы» до Брюсселя. А больше я сам ничего не знаю. Но, думаю, в Брюсселе вас действительно будет ждать какая-нибудь красotka...

– Сэр, это по поводу Горячева?

– Клянусь, Майкл, я сказал вам все, что знаю. Но не думаю, что господину Президенту вы нужны как врач. Конечно, вы теперь знаменитость, но, мне кажется, в Вашингтоне есть еще несколько врачей вашего уровня... – Посол, довольный своей остротой, взглянул на часы. – Good luck, Майкл! У вас восемнадцать минут до звонка из Брюсселя. И переоденьтесь по дороге в аэропорт, вы все-таки летите к Президенту Соединенных Штатов...

Конечно, это по поводу Горячева, думал Майкл, глядя из окна самолета на приближающиеся острые крыши и шпили Брюсселя. С той минуты, как восемь дней назад армейский вертолет маршала Вязова, словно морковку из грядки, выдернул Майкла из рутины его жизни в посольстве и бросил к операционному столу Горячева, все в жизни Майкла закрутилось так, что, черт возьми, уже не он управляет событиями, а они – им. И теперь эти события несут его в Вашингтон на встречу с Президентом США! А у этой «невесты», звонившей из Брюсселя, был такой грудной, с придыханием голос, что – ой-ей-ей! Конечно, в тот день русские врачи не дали Майклу даже прикоснуться к раненому Горячеву, и только по тому, как они –

явно демонстративно – давали Майклу возможность видеть все, что они делают, он понял свою роль: кому-то было важно, чтобы он, американский врач, следил, правильно ли они оперируют Горячева. После операции ему объяснили, что это был каприз Ларисы Горячевой, а уже завтра на 32-летнего Майкла буквально обрушилась мировая слава. Его портреты замелькали в западной прессе, у него брали интервью программы «С добрым утром, Америка!» и «20/20», и он каждый день посещал Горячева в Кремлевской больнице. Но при этом Майкл все время чувствовал какой-то дискомфорт, словно он присваивает чужую славу. Ведь русские никогда не показывают по телевизору своих врачей, лечащих кремлевскую элиту, не печатают их портреты и не берут у них интервью. И сколько Майкл ни подчеркивал в своих интервью, что он только присутствовал при операции Горячева, тележурналисты пропускали это мимо ушей, а газетчики это слово вообще выбрасывали. И получалось, что Майкл чуть ли не сам оперировал и спас Горячева. Майкла это корбило – он вообще не был амбициозен. Вот уже четыре года он работает в Москве, получает всего-навсего 67 тысяч в год, в США для врача это вообще не деньги. У него маленькая «трехкомнатная», как говорят в России, квартира (спальня, гостиная, кухня), старенький спортивный «мерседес» и семнадцатилетняя подружка, русская бело-снежка, студентка и хористка. Но зато – до этой истории с Горячевым – у него была масса свободного времени, никаких дежурств в госпиталях, никакой борьбы за клиентуру и никакой головной боли в конце года от того, что приходится платить жуткие налоги Дяде Сэму! Свобода!

Неделю назад этой свободе наступил конец. «Майкл, вы видели сегодня Горячева? Как он себя чувствует?..», «Майкл, пришел телекс от ассоциации американских фармацевтов. Они предлагают для Горячева какое-то суперновое лекарство...», «Майкл, фирма MedFurniture хочет прислать Горячеву wheelchair специального дизайнера...» – «Пошлите их к черту!» И вообще медицинского смысла в визитах к Горячеву не было никакого, у Горячева было обычное огнестрельное ранение с банальным абсцессом, который быстро рассасывался, и его лечили светила советской медицины. Но посол настоял на этих визитах: «Майкл, вы теперь не столько врач, сколько дипломат с докторским пропуском к Горячеву. Я, например, вижу Горячева не больше пяти раз в год, а вы – каждый день!»

Русские тоже не возражали против этих визитов, поскольку Майкл ежедневно составлял для «Вашингтон пост» бюллетени о здоровье Горячева и, таким образом, подтверждал советские сообщения о том, что Горячев выздоравливает...

– Майкл! Майкл! – Нечто фантастическое, влюбленно раскинув тонкие руки, бежало навстречу Майклу на Брюссельском аэровокзале. Нечто из фильмов о Джеймсе Бонде или из рекламы духов «Obsession» – не старше двадцати лет, на длинных ногах, с потрясающей фигурой и стриженная по последней моде коротким бобриком, отчего ее темные глаза казались огромными, а губы... Господи, на виду у всего брюссельского аэровокзала она так прильнула к Майклу губами, грудью, животом и ногами, словно исстрадалась от длительной разлуки с любимым и сейчас же умчит его в ближайший отель в постель...

К сожалению, он даже не узнал ее имени. Она усадила его в арендованный «BMW» последней модели и молча, на предельной скорости вывела машину из аэровокзала, каждую секунду поглядывая в зеркальце заднего обзора. Только убедившись в том, что никто за ними не увязался, она резко свернула обратно и по боковой дорожке вернулась в аэропорт, на стоянку частных вертолетов. Здесь, сказав Майклу лишь «Бон вояж!», она сдала его какому-то пилоту вертолета, скорее всего – сийэйшнику, а еще через семнадцать минут вертолет доставил Майкла прямо на летное поле натовской базы, к «F-121» – новейшему американскому истребителю, крейсерская скорость которого в три с половиной раза превышает скорость звука. Скафандр, трехминутный инструктаж, как дышать и как выдернуть кольцо парашюта в случае аварии, жесткое откидное сиденье позади пилота, пристяжные ремни, приятная музыка «Битлов» в наушниках шлемофона, короткий разбег самолета по ночному летному полю, и...

в следующую секунду Майкла с такой силой вжало в сиденье, словно им выстрелили из пушки. Его легкие, желудок, сердце и печень сдвинулись к лопаткам и позвоночнику, а щеки поплыли с лица назад, к ушам... «Дышать! – услышал он в шлемофоне голос молоденького, не старше 22 лет пилота. – Дышать! Сейчас все пройдет!»

Такие мальчишки подают гамбургеры в «Макдоналдсе» или играют на игорных автоматах, подумал Майкл о пилоте. Но через полминуты самолет, набрав высоту, лег на курс, сменил конфигурацию крыльев и перегрузки действительно кончились, а вместо них Майкл впервые в жизни ощутил кайф невесомости. Черт возьми, жизнь прекрасна, господа! Особенно – с высоты полета в «F-121», когда, оторвавшись от звука своих двигателей и от вечерней старушки-Европы, вы в полнейшей тишине и с тройной звуковой скоростью мчитесь на Запад, вдогонку укатившему туда солнцу, и вот уже его розово-желтый шар... Все-таки он поступил гениально, когда после резидентуры наплевал на возможность открыть свой офис в Лонг-Айленде и подписал вместо этого контракт с «International Service Agency», поставляющим обслуживающий персонал всем американским посольствам за границей. Конечно, он мечтал поехать в Японию – он с юности любил маленьких женщин, babywomen, которых так приятно сгибать, выламывать и вращать НА себе. Но, в конце концов, он и в Москве нашел себе не хуже. Он выучил русский, он научился пить водку, не разбавленную ни тоником, ни содовой, он понял вкус русской кухни, а самое главное – в Москве он получил то, что нельзя получить в Токио, в Бонне и вообще нигде, кроме России. Даже без дохода в миллион долларов в год Майкл стал в Москве частью самой престижной элиты – он был ИНОСТРАНЦЕМ. И не каким-нибудь вьетнамцем или арабом, которых русские и за людей не считают, – нет, он – АМЕРИКАНЕЦ!..

Откинувшись затылком к подголовнику сиденья, Майкл слушал «Битлов» и с высоты 12 000 метров смотрел, философствуя, на серебристую чешую Атлантического океана. В Америке к иностранцам совсем иное отношение, чем в России. Мы можем уважать французскую парфюмерию, но не французов. «Мерседесы», но не немцев. А в России само слово «иностранец» – уже капитал, как графский титул. И практически любая русская девушка – ваша. Конечно, такая элитарность разлагает. Она приучает чувствовать себя Гулливером в стране лилипутов, арийцем, принцем крови и т. п. И когда ты приезжаешь из России домой даже в отпуск, ты уже сам не свой, ты категорически не хочешь становиться Гулливером в стране великанов или даже Гулливером в стране таких же Гулливеров. И ты рвешься обратно в Россию. Правда, сейчас в России происходит черт-те что – это кипящий котел, который вот-вот взорвется. Но тем интересней, черт возьми!.. Впрочем, выскочить из этого котла на пару дней и прошвырнуться в Вашингтоне по Джорджтауну (да еще за счет американского правительства!) – это тоже неплохо, в этом он себе, конечно, не откажет...

6

Урал, город Свердловск. 17.10 по местному времени (15.10 по московскому)

Кладая колесами на стыках рельсов, слева от машины Вагая прошел трамвай, набитый и облепленный пассажирами. И вдруг остановился на перекрестке улиц Ленина и Свердлова, и водитель, молодая рыжая бабенка, высунувшись из кабины, издали замахала рукой подростку, торгующему на углу газетами, листовками и брошюрами «Демократического союза», «Партии анархо-синдикалистов», «Христианского возрождения» и прочей литературой подобного толка. «Чего вам?» – крикнул ей пацан. «Афганца» и «Уральскую женщину», отозвалась вагоновожатая, и мальчишка, схватив газеты и какие-то брошюры, побежал к ней через улицу, а

потом, стоя под окном кабины трамвая, стал отсчитывать сдачу с ее трехрублевки, нарочно затягивая время, чтобы уговорить эту рыжую купить у него и брошюры...

А вокруг вопила гудками река частных машин, и Вагай тоже вскипел, сам нажал сигнал на руле водителя своей служебной «Волги». Но эта рыжая сволочь раскорячила свой двухвагонный трамвай прямо посреди улицы и хоть бы хны – никуда не торопится и еще смеется!

– Серафим, ну-ка быстро! Узнай фамилию этой суки! – приказал Вагай своему сотруднику Серафиму Круглому, сидевшему на заднем сиденье.

Тот выскочил из машины, тяжелой трусцой побежал к трамваю.

– Распустился народ – плюет на законы! – в сердцах сказал Вагай.

– Богатые стали! – поддакнул шофер-сержант. Ему было не больше 25, на его гимнастерке отблескивали под солнцем две медали: «Воину-интернационасту» и «За отвагу» – знак его участия в афганской войне. Эти медали давали солдатам, служившим в Афганистане, но многие солдаты их не носили или надевали по праздникам, да и то – орденские колодки, а не сами ордена и медали, но шофер Вагай носил свои медали ежедневно...

Круглый вернулся, запыхавшись.

– Стасова Ирина, – доложил он. – Первый трамвайный парк. Между прочим, послала меня матом...

Тут трамвай освободил перекресток, «Волга» тронулась, но Вагай все не мог остыть. Конечно, можно сейчас же позвонить в трамвайный парк и через директора врезать этой Стасовой Ирине, но с тех пор как все перешли на хозрасчет, даже директор трамвайного парка вправе послать тебя – мол, с такой жалобой обращайтесь в милицию...

– Не улица Ленина, а какой-то Тель-Авив! – сказал Вагай хмуро. Действительно, вся центральная улица города была запружена лотками газетчиков-неформалов, пирожковыми ларьками, пивными палатками, кафе «Макдоналдс», пиццерией, плакатами «Уральского сопротивления КПСС» и рекламными щитами с голыми бабами и панковскими рок-звездами.

– Уже под обком подкатывают своей торговлей... – сказал шофер и кивнул на массивное четырехэтажное здание обкома партии с большим красным флагом на стальном флагштоке и гигантским транспарантом по всему верхнему карнизу: «ПАРТИЯ И НАРОД – ЕДИНЫ!». Свердловчане называют это здание «Большой дом». Под ним, в крохотном скверике, у памятника первому советскому президенту Якову Свердлову, тоже нагло, как на ярмарке, расположились торговки кедровыми орешками, семечками, издевательскими значками типа «Если это коммунизм, то что будет дальше?».

Здесь же старухи и дети кормили хлебными крошками голубей. Эти голуби каждый день загаживают памятники так, что приходится держать специального мойщика, который по ночам брандспойтом смывает птичье дерьмо с голов Маркса, Ленина, Свердлова. И не только в Свердловске – по всей стране! Ладно, подумал Вагай, если мы вернем себе всю полноту власти, я наведу порядок. И с народом, и с голубями...

– Стоп! – приказал он шоферу на мосту через реку Исеть, которая протекала через центр города – желтая и обмелевшая, как всегда в середине августа. Тут, на углу Исетской набережной и улицы Ленина, был как бы центр города, самое оживленное место. И именно тут стояла яркая палатка-тент с гигантским портретом Горячева и не менее броской надписью-призывом:

**«ВСТРЕТИМ ВЫХОД ГОРЯЧЕВА ИЗ БОЛЬНИЦЫ ВСЕНАРОДНОЙ
ДЕМОНСТРАЦИЕЙ!
ЗАПИСЫВАЙТЕСЬ НА ДЕМОНСТРАЦИЮ В ЧЕСТЬ
ВЫЗДОРОВЛЕНИЯ ТОВАРИЩА ГОРЯЧЕВА!»**

Шофер остановил машину метрах в двадцати от тента, Вагай коротко кивнул Серафиму Круглому:

– Пошел.

Тот вышел из машины, словно гуляючи, подошел к тенту. Перед тентом два молодых сотрудника КГБ – парень и девушка (одетые, конечно, в гражданское – футболки с надписью «УРАЛМАШ» и кроссовки «Адидас») – громко, на всю улицу выкрикивали в мегафон призывы записываться на демонстрацию и бойко раздавали прохожим цветные листовки-календари с портретами Горячева, а детям бесплатно вручали шары и флажки. Третий – внутри тента – вел запись, к нему стояла большая очередь празднующейся публики. Люди довольно охотно жертвовали кто пять, а кто и десять рублей на цветы, гирлянды и оркестры в день демонстрации.

– Очередь даже... за Горячева... – сказал шофер, словно читая мысли шефа. Прикидываясь простачком-солдатом, он часто говорил вслух то, что все остальные держали при себе.

Вагай промолчал. Он знал, что самые большие пожертвования давали не здесь. Несколько сотрудников КГБ (тоже, конечно, одетые в гражданское) обходили в это время всю улицу Ленина, лоток за лотком и магазинчик за магазинчиком, и тоже вели запись будущих демонстрантов. И уж там владельцы магазинов, обязанные Горячеву своим бизнесом, отваливали на демонстрацию по сто и даже по двести рублей. Тем более что агитаторы обещали: имена самых крупных жертвователей будут опубликованы в местной газете «Уральский рабочий». А частники любят выпендриваться друг перед другом...

Круглый вернулся от тента, доложил:

– Три тысячи двести семнадцать человек записались. Семь тысяч рублей пожертвовали.

– Ни хрена себе! – воскликнул шофер, трогая машину. – На майскую демонстрацию их силой не загонишь, а тут!.. – И спросил Вагая: – Куда теперь?

– На «Тяжмаш», – сказал Вагай. Это была уже девятая остановка в центре города, и всюду было одно и то же – активная массовая готовность части населения пожелать здоровья «отцу родному, который кровь за народ пролил». Именно так и предполагал Стриж, когда вчера в поезде изложил свою идею. Новая советская буржуазия – все эти лавочники, хозяева ресторанов, менеджеры кооперативных фабрик, учителя, журналисты, студенты – вся шумная пена, которая всегда на виду в любом городе, – всколыхнулась и радостно, как и предполагал Стриж, откликнулась на призыв к демонстрации. Это будет их собственная демонстрация, буржуазная демонстрация, и уж теперь-то они выйдут на нее, не боясь ничего! Но как раз это и входит в расчет Стрижа. Пусть они выйдут, пусть покажут себя! А потом...

Взгляд Вагая переместился с исетского моста дальше и выше – как бы к будущему. Но поскольку заглянуть в будущее не дано даже майорам КГБ, его глаза остановились на городской панораме, открывающейся вдоль осыпающихся берегов Исети. Огромный город, индустриальный центр Урала, или, как говорят газеты, «сибирское Чикаго», стоял над желтоводной уральской рекой. И всюду, на десятки километров, торчали дымящие белым, желтым и серым дымом заводские трубы. Гигант советской индустрии «Тяжмаш» – 75 тысяч рабочих, 27 процентов производства всех советских танков. Уральский сталелитейный. Уральский химический. Свердловский автомеханический...

Тут машина миновала мост, и городскую панораму заслонили старые, времен конструктивизма, здания – серповидная гостиница «Исеть», молотобойный корпус киностудии... стройка плавательного бассейна на месте дома, в котором в 1918 году была расстреляна семья последнего русского царя Николая Второго. Этот дом купца Ипатьева пришлось давно, еще при Брежнев, снести потому, что со всей России сюда стекались богомольцы, а теперь стали срочно строить тут бассейн, чтобы была причина огородить это место и не допускать здесь массовые молебны в честь «убиенных коммунистами святых», которые ежегодно стал устраивать тут «Христианско-демократический союз»...

Густой и серый поток рабочих двигался теперь навстречу машине Вагая от центральной проходной «Тяжмаша». Двадцать тысяч рабочих первой, утренней смены плюс несколько тысяч инженеров, конструкторов, учетчиков и т. п. покидали «Тяжмаш», выходя из восьми

проходных на севере, западе, востоке и юге гигантской территории завода. Когда они, одетые в серые и черные спецовки, шли, занимая не только оба тротуара, но и всю мостовую, казалось, что это идет та самая рабочая демонстрация, которую еще в 1905 году описал Максим Горький в своем пролетарском романе «Мать».

Сегодня у каждой проходной рабочих ждали такие же, как в центре города, палатки-тенты и плакаты с призывами записываться на демонстрацию в честь выздоровления Горячева. И возле этих палаток рабочие потоки завихрялись, некоторые останавливались, кто-то выяснял, когда именно будет демонстрация, зачем собирают деньги. Но почти все проходили мимо, не задерживаясь у столика записи... И это понравилось Вагаю больше всего.

Сидя в машине, он откинулся в кресле и любовался этим потоком. Точнее – тем контрастом, который был в поведении людей в центре города и здесь, в рабочем районе. Конечно! Что дала этим простым работягам горячевская перестройка? Дикий рост цен, жуткую инфляцию, дефицит предметов даже самой первой необходимости, а также – потогонную сдельщину и угрозу безработицы в связи с переходом завода на хозрасчет. Вот и все! Молодец Стриж, гений, все правильно вычислил!.. На заднем сиденье Серафим Круглый достал из своей сумки холодильника бутылку холодного немецкого пива и услужливо протянул Вагаю...

Через час, объехав все восемь проходных «Тяжмаша» и еще несколько палаток-тентов у заводских ворот Станкостроительного и Автомеханического заводов, Вагай снял в машине трубку радиотелефона и сказал телефонистке-оператору:

– Обком, кабинет Стрижа...

Слева и справа, в просветах между многокилометровыми квадратами серых заводских территорий, тянулись кварталы стандартных пятиэтажных жилых домов и пыльные, без зелени улицы. Рабочая зона – видно с первого взгляда, по бельевым веревкам на балконах... Наконец Вагай соединили.

– Стриж? – сказал он. – Докладываю. В центре города за первые три часа записались двадцать семь тысяч частных, учителей и студентов. И за это же время на «Тяжмаше», Станкостроительном и Автомеханическом – всего пятьсот человек и почти все – инженеры... Да, рабочие не записываются... Ладно, еду дальше, в «Свердловск-2». – Он положил трубку и кивнул шоферу: – Поехали!

«Свердловск-2» был закрытым городом-спутником в двадцати километрах от основного Свердловска. Там было 130 000 жителей, и все они работали на «режимных» заводах по производству танковых снарядов и тактических ракет. Но уже и без проверки «Свердловска-2» ясно, что все эти телевизионные митинги рабочих в защиту Горячева – чистая липа, как всегда – организованы. На самом же деле рабочему классу Горячев уже поперек горла – со всеми его реформами, речами-обещаниями и с его женой Ларисой, которую он таскает за собой по всему миру. Только исконно русское долготерпение позволяло годами кормить этот народ обещаниями рая, но теперь волна летних забастовок строителей, железнодорожников, шахтеров и ткачих показала, что все – терпение у народа кончилось! И прав Батурин – народ вот-вот пойдет крушить все и вся, и тогда уж сметет не только Горячева, но и партию...

Шофер тормознул у железнодорожного переезда – полосатый шлагбаум преграждал путь. Вдали послышался паровозный гудок, затем с грохотом и стуком колес пронесся недлинный грузовой состав. На его платформах стояли новенькие зачехленные танки «Т-90» и лежали длинные туловища межконтинентальных ракет.

– Наши, – с гордостью сказал шофер. – Свердловские!

Вагай закурил и сказал шоферу негромко, сквозь зубы:

– Ты вот что... Вечером сходишь в клуб «Память». Скажешь, чтоб готовились...

**Вашингтон, военный аэропорт в Мэриленде. 17.00
по вашингтонскому времени (24.00 по московскому)**

Через 2 часа 18 минут после взлета в Брюсселе «F-121», обогнав солнце, вернул Майкла в тот вечер, который он покинул в России. Обжигающий вашингтонский закат слепил глаза, когда самолет приземлился и подрулил к новенькому «Боингу» с огромным гербом США на фюзеляже. Между трапом этого правительственного «Боинга» и замершим «F-121» стоял лимузин. Майкл хотел стащить с головы шлем скафандра, но пилот приказал: «Не снимайте! Прыгайте так!» В скафандре и шлеме Майкл спрыгнул на раскаленный асфальт летного поля, и лимузин оказался прямо перед ним – уже с открытой дверцей. Даже если где-нибудь за милю отсюда какой-нибудь охотник-журналист нацелил на этот «Боинг» свою фото– или кинокамеру – что он увидит? Какого-то летчика в высотном скафандре и закрытом шлеме. «Господи, – думал меж тем Майкл, поднимаясь по трапу «Боинга». – Неужели опять лететь?»

– Сюда, пожалуйста... – Стюард ввел его в самолет, показал, где снять скафандр, а затем повел в глубь салона, открыл дверь.

– Господин Президент, – доложил он. – Доктор Майкл Доввей.

Президент сидел в глубине салона за письменным столом и оказался точно таким, каким Майкл десятки раз видел его по телевизору. Это даже разочаровало. Он встал и через стол протянул Майклу руку:

– Рад вас видеть, Майкл. Как вам понравился полет? Что будете пить?... – А через минуту перешел к делу: – Как себя чувствует мистер Горячев? Когда он выйдет из больницы?

– Сэр, я не знаю, как решат русские врачи, но у нас его бы выписали через три дня. Я был у него сегодня утром – он уже в порядке.

– Вас пускают к нему каждый день?

– Да, мистер Президент.

– Кто-нибудь еще присутствует при ваших визитах к нему?

– Конечно, мистер Президент.

– Кто?

– Чаще всего – доктор Зинаида Талица, это его лечащий врач, мистер Президент.

– Можете не говорить мне каждый раз «мистер Президент», Майкл. Мне жаль, что нам пришлось вызвать вас из Москвы таким спешным и не очень комфортабельным образом. Но я оказался прав в своих предположениях: у нас есть только вот эти три дня на кое-какую работу, которую я хочу вам доверить. Можете ли вы остаться с Горячевым один на один?

Майкл изумленно посмотрел на Президента. Он что – с ума сошел?!

– Нет, – усмехнулся Президент. – Я не собираюсь просить вас убить Горячева! Скорее – наоборот. Я хочу, чтобы вы передали ему мое личное послание. Вот это. – И Президент протянул Майклу свой фирменный бланк с четким текстом. – Вы читаете по-русски или вам дать английский текст?

– Я читаю по-русски, сэр. Вы хотите, чтобы я прочел?

– Да...

PRESIDENT OF UNITED STATES OF AMERICA.

WHITE HOUSE, WASHINGTON D.S., USA.

16 августа 1990.

Господину Михаилу Сергеевичу ГОРЯЧЕВУ,

Генеральному секретарю ЦК КПСС,
Кремлевская больница, Москва, СССР.
Многоуважаемый Господин Горячев,

От имени американского народа и от себя лично выражаю Вам глубокое сочувствие в связи со случившимся на внеочередном съезде КПСС инцидентом и желаю Вам скорейшего и полного выздоровления.

Ваше желание в критические для Вашей жизни минуты воспользоваться помощью американского врача воспринято Администрацией Белого дома и мной лично как знак Вашего глубокого доверия не только к американской медицине, но и ко всему американскому народу. Именно в связи с этим доверием, установившимся между нашими странами в последние годы, я решил с той же степенью доверительности поделиться с вами совершенно конфиденциальной информацией, оказавшейся в моем распоряжении.

Не ссылаясь на источники, я осмелюсь поставить Вас в известность о том, что опубликованная Вами в «Правде» речь Н. Батурина представляет собой **ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ** отражение настроений как минимум 80 % руководства Вашей партии, и эти 80 % готовы к осуществлению самых радикальных действий, не исключая и ту угрозу Вам лично, которая прозвучала в речи Н. Батурина. Я не сомневаюсь в том, что Вы, как опытный и мудрый политик, не дадите ввести себя в заблуждение той кампании восхваления Вашей личности, которая ведется сейчас на страницах советской печати, и трезво оцените...

Пока Майкл читал, Президент терпеливо ждал, потом спросил:

– Вы сможете передать это письмо без свидетелей? Как видите, это очень важно.

– Я не могу ручаться, сэр. Меня еще никогда не оставляли с ним наедине...

– К сожалению, никакого другого пути передать это письмо срочно и без свидетелей у нас нет. Даже если я пошлю в Москву государственного секретаря, Горячев не примет его в больнице. А любой русский посредник, даже из ближайшего окружения Горячева, может быть в числе этих 80 процентов. Вы попробуете это сделать, Майкл?

Когда к вам обращается с просьбой Президент Соединенных Штатов и вы не частное лицо, а правительственный служащий, у вас почти нет выбора. Особенно если ваше имя упоминается в его послании чуть ли не как символ доверия Горячева американскому народу! Майкл еще понятия не имел, как ему исхитриться остаться наедине с Горячевым, но сказал:

– Да, сэр, я постараюсь.

– У вас есть какие-нибудь вопросы? – спросил Президент.

Майкл замялся. Конечно, у него был вопрос!

– Есть, – понял его Президент. – Вас интересует, откуда мы знаем, что думают 80 процентов руководителей русских коммунистов. К сожалению, я не могу вам это сказать, а Горячеву это знать тем более не нужно. Важно, чтобы он осознал реальность угрозы. Это максимум, что я могу для него сделать. Он, конечно, захочет узнать, не передал ли я ему еще что-нибудь на словах. Поэтому я и дал вам прочесть письмо. Попробуйте как-нибудь полуслушать заметить, что, я надеюсь, он не расстреляет всех своих коммунистов, чтобы избавиться от этих восьмидесяти процентов. Он же не Сталин. Как вы думаете?

Майкл понял, что сам Президент не очень в этом уверен.

– Сэр, он еще не расстрелял даже Батурина. И потом – в Москве говорят, что уже не те времена...

– Спасибо, – облегченно сказал Президент. – Я тоже так думаю. Сейчас Горячеву нужно срочно расколоть эту оппозицию и перетянуть хотя бы часть ее на свою сторону. Впрочем, не мне ему советовать, он хитрая лиса. Но нам важно помочь ему удержаться в Кремле, хотя

бы ради стабильности мировой экономики. Потому что, если в России придут к власти какие-нибудь национальные экстремисты... Вы понимаете?

Это Майкл как раз понимал. Последние пару лет все посольство только и говорит, что о росте в России русофильских и антизападных обществ, движений, клубов. Все чаще молодые русские bodybuilders, которых в Москве называют «люберы», нарочно задирают иностранцев на улицах или в кафе, провоцируют на драку, прокалывают шины дипломатических машин. Правда, в посольстве говорят, что это всего лишь «стихийный протест низких слоев русского общества вторжению поп-культуры, и он отлично компенсируется расширением деловых и торговых связей Запада и Востока и политикой Горячева на разоружение». Но все же...

Однако пока Майкл соображал, что Президент знает обо всем этом из посольских рапортов, а чего может и не знать, Президент поднялся:

– Что ж, Майкл. Я рад был с вами познакомиться. Желаю успеха. – Он взглянул на наручные часы. – Думаю, к десяти утра вы будете в Москве. Не спешите передать письмо в первый же день – у вас еще есть, как вы говорите, три дня в запасе...

8

Сибирь, станция Ишим. 24.00 по московскому времени (03.00 следующего дня по местному)

В теплом ночном воздухе были видны освещенные луной покатые контуры лесов с острыми верхушками нефтяных вышек, торчащих над сибирским кедром и хвоей. Пахло дальними прогорклыми пожарами и прелью таежных болот. Следуя плавному изгибу железнодорожной колеи, поезд катил по пологому скату таежной сопки над пенистым потоком реки Ишим. При выходе из этого изгиба вдруг открылись высокие, освещенные пунктиром лампочек ректификационные колонны и трубы нефтеперерабатывающих заводов, гигантские нефтеналивные емкости, огни промышленного города Ишима.

Не выпуская из рук карт, Иван Турьяк затянулся сигаретой, дым тут же вытянуло в приоткрытое сверху окно. Карта не шла, и вообще Турьяк не был картежником, но что еще прикажете делать, если у всего поезда бессонница, а ресторан уже закрыт? Стриж, сука, надыбал какую-то идею, но что именно – не сказал, так и сошел вчера утром в Свердловске. «Сначала я у себя в городе проверю!» Вот и гадай, что он там надумал! Конечно, они, четверо преферансистов – Турьяк, первый секретарь Омского обкома, Родион Пехота, и еще двое партийных, но рангом поменьше, сибирских лидеров – запаслись на ночь и коньяком, и закуской, как, впрочем, и все остальные пассажиры – делегаты съезда. Но после двух бессонных суток дороги никому как-то не пилося и не елось...

– Хо-оди, не тyani резину-то-о... – сказал Турьяку Родион Пехота. Сорокалетний, с острым крестьянским лицом, он был из породы тех, которых называют «хитрованы», и, как все омичи, раскатывал букву «о». – Ишим, что-о ли?

Поезд мягко тормозил у пустого ночного перрона. Турьяк с досадой бросил карты. Пехота тут же загреб весь банк и засмеялся довольный. Но вдруг его лицо вытянулось так, словно он увидел привидение.

– Гля!.. Гля!.. – показал он за окно.

За окном, на перроне, Стриж, Вагай и Серафим Круглый шли рядом с притормаживающим вагоном. Круглый нес два портфеля – Стрижа и Вагая.

– Роман! – высунулся в окно Турьяк. – Эй! Какими судьбами?

Из окон других купе тоже выглянули любопытные лица. Вагон остановился. Круглый предъявил проводнику три билета.

- А вы же в Свердловске сошли! – удивленно сказал проводник Стрижу и Вагаю.
 - Ну и что? Тут два часа лету, – ответил Вагай.
 - Так вы нас самолетом догнали? – сообразил проводник.
 - Братцы, что случилось? – выбежал в тамбур Турьяк.
 - Ничего не случилось, – успокоил его Вагай. – Дело есть. Ко всем. Утром поговорим.
 - Да не тяните душу! Все равно ж не спим!..
 - Утром, утром, Иван, – веско сказал Стриж, проходя в свое старое, так никем и не занятое купе. – Утром все соберемся и потолкуем. У нас хорошие новости.
- Поезд мягко тронулся.

День четвертый *7 августа 199... года*

9

«F-121», Вашингтон – Брюссель. На рассвете (по московскому времени)

Лететь навстречу ночи – это совсем не то, что лететь вдогонку солнцу. Внизу, над Атлантикой, – полный мрак, над головой – россыпь звезд в темном небе, а вокруг – полнейшая тишина, потому что самолет опережает звук собственных турбин. И Майкл наверняка задремал бы под «Желтую лодку» «Битлов», если бы не это странное задание Президента. Черт возьми, как ему ухитриться остаться тет-а-тет с Горячевым? И вообще, как ему протащить конверт с письмом Президента через таможенный контроль в Москве, в Шереметьевском аэропорту? Пока он положил этот конверт просто во внутренний карман пиджака – русские таможенники обычно не ощупывают карманы американцев и европейцев. Но Майкл не дипломат, а всего лишь врач, так сказать – обслуживающий персонал, у него нет дипломатического иммунитета, и черт их знает, этих русских таможенников, какое настроение будет у них сегодня! Иногда они устраивают жуткие шмоны в поисках наркотиков и антисоветской, как они говорят, литературы. Кроме того, полную проверку, вплоть до прошупывания карманов, приходится проходить в самой Кремлевской больнице перед входом к Горячеву. Но там, правда, телохранители Горячева ищут одно – оружие...

Интересно, будет ли встречать его в Брюсселе та же красотка? Ох, если бы! Впрочем, если и будет, что это даст? Ведь ему тут же на пересадку, в Москву. Конечно, это не совсем честно – мечтать о брюссельской красотке, когда в Москве у него Полина, русская белоснежка. Но мыслям не прикажешь, и к тому же Полина пропала в последнюю неделю. С тех пор как он прославился и о нем каждый день забубнили по «Голосу Америки», который сейчас уже не глушат, Полина не появилась ни разу. Тактично, конечно, с ее стороны, но сам-то он не может с ней связаться – у нее же нет телефона. Все-таки варварская эта страна Россия – накануне XXI века в столице сверхдержавы у 70 процентов людей еще нет телефона!

Конечно, Майкл знал, что иностранным дипломатам, особенно молодым и холостым, КГБ пытается подсунуть в любовницы своих сотрудниц. А у половины, если не больше западных журналистов смазливые русские секретарши – очевидные гэбэшные стукачки и даже не скрывают этого, смеются – наступил «век доверия». Но его Поля вне подозрений. По самой простой причине. Это он сделал ее женщиной – ровно через две недели после знакомства. Что ни говорите, но КГБ, при всей его легендарной мощи, не способно подсунуть иностранцу пятнадцатилетнюю девственницу! Майкл сам, как говорят русские, закадрил ее, и произошло это совершенно случайно – никакое КГБ не способно такое подстроить. Полтора года назад кто-то из посольских заболел и отдал Майклу два билета в Концертный зал гостиницы «Советская» за сорок минут до начала там «сэйшн» звезд русского рока. Майкл не был большим любителем рока, тем более что в России последние пару лет преобладало повальное увлечение не столько роком, сколько «heavy metal», и, как все экстремисты, русские доводили это «хэви» до простого грохота молота по серпу (или наоборот). Но тут были обещаны самые знаменитые русские ансамбли – «Аквариум», «Машина времени», «Афганистан», и – самое главное! – во втором отделении должен был петь новый кумир советской молодежи Александр Розенбаум. Четыре года назад, когда Майкл только приехал в Москву, этот Розенбаум был уже знаменит в

России, как Майкл Джексон в США. С той только разницей, что пластинки Джексона выходили миллионными тиражами и он стал супермиллионером, а у этого Розенбаума не было тогда еще ни одной пластинки и он работал врачом «скорой помощи», хотя его песни в магнитофонных записях уже гремели по всей стране, даже в квартирах американских дипломатов были эти записи. Впрочем, тогда Майкл еще не знал русского языка и все равно не мог понимать этого Розенбаума. Но теперь...

Шел снег. Майкл подъехал к «Советской» за несколько минут до начала концерта и увидел, что действительно судьба послала ему билеты на нечто выдающееся – вся площадь перед гостиницей была забита машинами, гигантская толпа охотников за лишним билетиком атаковала счастливых обладателей билетов еще за два квартала до входа в зал. Майкл приткнул свой «мерседес» на противоположной стороне Ленинградского проспекта, прямо под знаком «Стоянка запрещена» (он не соблюдал в Москве правила парковки – на его машине был дипломатический номер) и по подземному переходу направился к залу. Уже с первых шагов на Майкла набросились: «У вас нет лишнего билетика? У вас нет лишнего?..» Причем атаковали не только молодые, нет, среди охотников за билетами было и много взрослых, даже пожилых людей...

Но Майкл не спешил избавиться от второго билета. Ему хотелось присмотреть себе какую-нибудь приятную соседку, а там будет видно – «чем черт не шутит», говорят русские.

Но ничего подходящего не попадалось. Точнее – никого, подходящего его вкусу. И он уже решил было продать билет лишь бы кому, когда в стороне от ручейков счастливиц с розовыми бумажками-билетами в руках он увидел под заснеженной тумбой с афишами концерта этого зеленоглазого ребенка, эту белоснежку с пушистыми заснеженными ресницами. «Стоп, Майкл! Куда ты?! Она еще ребенок!» – говорил он сам себе, идя к ней.

Она стояла одна в снежной пурге, оцепенело и безнадежно глядя в темное пространство, безучастная к толпе, которая в поисках лишнего билета на концерт атаковала всех выходящих из троллейбусов пассажиров. Мимо нее, слепя глаза, проносились по Ленинградскому проспекту такси и частные «Самары». Некоторые из них останавливались, высаживая богатых, в мехах и длиннополых дубленках частных и бизнесменов – новую советскую элиту, узаконенную горячевской перестройкой. Эти, конечно, были с билетами, и на них тут же роем набрасывались страждущие. Но девочка никого не атаковала, не спрашивала лишнего билет, а неподвижно стояла, видимо, давно потеряв надежду попасть на концерт. Во всяком случае, снега на ее плечах и шапке было столько, сколько могло набраться, только если она простояла здесь уже не меньше часа. Но больше всего Майкла тронули ее заснеженные реснички...

– Девушка, вы хотите пойти на концерт?

Она перевела на него взгляд своих зеленых глаз с таким выражением недоверия и испуга, с каким, наверно, Золушка посмотрела на Фею, которая предложила ей поехать на бал. Только теперь, вблизи, он разглядел, как она одета. Чудовищно! Тяжелое темно-зеленое пальто с темным же, из какого-то старого меха воротником висело на ней колоколом, на ногах – черные резиновые боты. Но глаза, но личико юной Ширли Маклейн!

– Вы мне? – почти неслышно спросила она своими губками.

– Да, вам. Держите. – Майкл протянул ей билет, и в тот же миг к ним с разных сторон кинулись люди: «У вас лишний билет? Продайте мне! Вы продаете?» Майкл поспешно взял девочку за руку: – Пошли! Начало через три минуты!

– Сейчас, деньги!.. – Она торопливо открыла свою бордовую сумочку, но Майкл уже тянул ее к канатам, ведущим к входу в зал: – Потом, потом! Пошли! – Ему хотелось побыстрее уйти от все понимающих взглядов этих людей вокруг...

Но и в зале, когда она сдала в гардероб свое ужасное пальто (русские во всех театрах и концертных залах сдают пальто в раздевалки) и они побежали на свои места в шестом ряду, ему показалось, что сейчас он провалится сквозь землю под взглядами разнаряженной московской концертной публики, которая заполнила здесь весь партер. Удивительно, подумал Майкл, рок-

музыка, «heavy metal», Александр Розенбаум – это же все молодежные дела, это для 16—18-летних, почти все шестнадцатилетние остались на улице, а в зале, во всяком случае в партере, – сплошная расфранченная московская элита, меха на голых женских плечах, перстни с сапфирами, тяжелые золотые цепи и запахи густой смеси «Шанели» и пота. А она, его «избранница», шлепала за ним сквозь частокол их взглядов в своих чудовищных резиновых ботах, и – она была в школьной форме! Темно-коричневое фланелевое платье с белым сатиновым фартуком и дешевым кружевным воротником! Господи!..

Проклиная себя, Майкл плюхнулся в мягкое кресло в шестом ряду. Прямо перед ним над сценой висел гигантский транспарант «РЕШЕНИЯ ПАРТИИ – В ЖИЗНЬ!». Сзади и по бокам – в бельэтаже и на высокой галерке – были видны лица молодых зрителей, одетых уже попроще – в свитера и куртки. Там, в проходах, расхаживали дюжие дружинники с красными повязками на рукавах и милиционеры. Девочка села рядом с Майклом и опять стала совать ему деньги за билет. «Потом, потом!» – отмахнулся он. Слава Богу, в этот момент на сцену вышел высокий блондин в сером костюме, бодро поздоровался с залом и тут же стал сыпать шутками о перестройке и гласности. Однако уже через полминуты галерка прервала его дикими криками:

– Кончай хохмить!

– Заткнись! Музыку давай!

– Давай рок!

Однако ведущий не сдавался, делал вид, что не слышит выкриков, и только непроизвольно косил глазами в сторону галерки.

– Ну ко-зел! – в сердцах сказала рядом с Майклом его юная соседка.

– Итак, начинаем наш концерт! – словно услышав ее, сказал ведущий. – К сожалению, из-за нелетной погоды группа «Аквариум» застряла в Сочи, а «Машина времени» уехала в Мюнхен.

По залу прошел разочарованный ропот, а соседка Майкла вздохнула с таким глубоким огорчением, что Майкл с удивлением покосился на нее.

– Однако не унывайте! – бодро сказал блондин. – В первом отделении вы услышите пять групп. Открывает программу группа «Колесо века», которая играет так называемый «белый фанк» – музыку, которая возникла в США еще в...

– Ладно, сами знаем! – опять закричала галерка. – Давай «Колесо»!..

Тут у блондина вдруг зафонил микрофон, и он ушел наконец со сцены, крикнув в зал своим голосом, без микрофона:

– Итак, «Колесо века»! Композиция «Ночная атака в противогазах»...

Зал неистово зааплодировал, особенно – на галерке и в бельэтаже, а соседка Майкла вскочила с места и закричала «Ура!».

Майкл даже опешил от такого перепада – еще несколько минут назад, на улице, это была скромная Золушка с тихим голосом и наивно-пугливыми зелеными глазками, и вдруг – такая экзальтация по поводу «белого фанка»!..

Тем временем свет погас, и на темную сцену с жутким шумом и действительно в противогазах выскочили семь низкорослых музыкантов, одетых в эклектично подобранную солдатскую форму разных стран и времен – от американского морского пехотинца с мушкетерской саблей на боку до советского солдата в брюках-галифе и с рыцарским шлемом на голове. И зал, и сцену тут же заполнил свет мятущихся узких цветных прожекторов, дым, похожий на пар от сухого льда, немыслимый рев электрогитар и еще каких-то клавишно-струнно-духовых инструментов, которые изображали вой сирены боевой тревоги, свист падающих снарядов и оглушительные взрывы. От всего этого могли запросто лопнуть барабанные перепонки. При этом музыканты в противогазах все время орали «В атаку! В атаку, е... мать!», лихо подпрыгивали от каждого взрыва почти до потолка, шмякались кто на спину, кто на живот, тут же вска-

кивали, продолжали рвать струны своих электрогитар, идя в атаку на зрителей, и, как слоны, размахивали хоботами своих противогозов...

Но Майкла поражал не рев электрогитар, не вид этих музыкантов (он видел в Нью-Йорке ансамбли пошумней и поэффектней) и даже не то, что они орут и беснуются под транспарантом о выполнении решений партии. Майкла поразило поведение зала. И партер, и юная галерка сидели без движения, как жюри на музыкальных фестивалях. Майкл вспомнил, как он и его сверстники орали и пели вместе с музыкантами на концертах рок-музыки в Медисон-сквер-гарден...

Правда, после «Атаки в противогозах» зрители наградили музыкантов аплодисментами, но и вторую группу – «Арктика» – зал слушал с тем же спокойствием верховных судей. Юная соседка Майкла тоже смотрела на сцену не двигаясь, но лицо ее, как зеркало, отражало ее оценку каждого музыкального пассажа – оно то озарялось удовольствием, наслаждением, радостью, а то искажалось гримаской, словно от зубной боли...

– Что с вами? – спросил он, когда в первый раз увидел это выражение на ее лице. – Вам плохо?

– Ужасно! Вторая гитара все время фальшивит!..

Позже, вспоминая начало своего романа с Полей, Майкл думал, что увлекся ею, что fell in her не тогда, когда на Ленинградском проспекте увидел ее зеленые, в обрамлении заснеженных ресничек глазки, а именно в эти минуты на концерте, когда она так сосредоточенно, словно член профессионального жюри, слушала музыку этой «Арктики».

На Майкла эти русские джазмены не произвели впечатления. Он с трудом досидел первое отделение и в антракте тут же сбежал в буфет, чтобы его юная соседка не стала снова совать ему деньги за билет. Но во втором отделении пел Александр Розенбаум, и это действительно было нечто! Конечно, нужно прожить два года в Москве, переспать с двумя десятками русских девочек, выучить русский язык так, чтобы понимать соль русских анекдотов, – и вот только тогда вам открываются сила и подтекст песен современных русских бардов: Галича, Высоцкого, Розенбаума...

Метелью белою,
сапогами
по морде нам —
Что ты делаешь с нами,
Родина, Родина, Родина?!!

Сейчас, в самолете, вспоминая эти строки, Майкл уже не испытывал такого восторга и восхищения. То ли гласность в России выбросила теперь в эфир песни и посмелее, то ли всем там сейчас уже не до песен. Но тогда, полтора года назад, на том концерте Розенбаума, Майкл впервые за все прожитое в Москве время вдруг почувствовал себя подключенным к единому электрическому полю этой страны, этого народа и этого зала. Песни Розенбаума вдруг понесли его душу, как парус, полный морским ветром. Он понимал, понимал, понимал и чувствовал не только подтекст, но и вкус этих песен, и наслаждался этим, как наслаждается уверенный в себе пловец вкусом океанской воды на больших глубинах... И после каждой песни Майкл уже вместе со всем залом (и своей соседкой, конечно) стоя аплодировал, кричал Розенбауму «Браво!» и «Бис!» и спрашивал у соседки:

– Ну как? Правда, здорово?

– Еще бы! – улыбалась она. – У него нет голоса, но музыкальность – шансонье! Классический французский шансонье...

Да, подумал тогда Майкл, как точно она определила: этот Розенбаум – первоклассный шансонье русской политической песни...

Неожиданно посреди не то пятой, не то шестой песни сзади слышались шум, крики, а затем в зал, прорывая милицейские заслоны, хлынула гигантская толпа безбилетных молодых парней и девиц в заснеженных пальто и куртках, в лыжных вязаных шапочках. Они шумно и стремительно заполнили все проходы, а Розенбаум спокойно стоял на сцене с гитарой и терпеливо ждал – на его концертах такие эксцессы были, похоже, не впервой. Конечно, разнаряженная партерная публика возмущенно зашумела, но безбилетники так плотно заполнили проходы и все пространство меж залом и сценой, что милиция не могла даже протиснуться в зал, а не то что удалить нарушителей. На сцену к Розенбауму тут же выскочил кто-то из администрации, яростно зашептал что-то на ухо, но бард отрицательно покачал головой и сказал негромко:

– Я буду петь...

– Ур-р-ра! – ответили, ликуя, интервенты. – Давай, Сашок, жарь... Про Афганистан! Про инвалидов!..

Администратор взял барда под руку и снова что-то яростно зашептал ему на ухо. Зал засвистел, затопал ногами, кто-то запустил в администратора крепким русским матом, обещая оторвать ему определенные части тела. А Розенбаум упрямо стоял у микрофона, жестко расставив ноги и держа гитару на груди, как автомат. Администратор смылся под ликующий рев зала. Розенбаум провел пальцами по струнам гитары, и зал тут же затих, успокаивая сам себя строгими окриками.

Мчатся кони по небу...
И листья медленно кружат,
И осени безумно жаль.
Она старалась как могла,
Всю ночь в садах ковры плела —
Но Ромка этого
уже
не видит...

И вдруг – прямо посреди песни – микрофон онемел, а в зале вспыхнули высокие хрустальные люстры. И откуда-то сверху прозвучал жесткий голос радиодинамиков:

– В связи с переполнением зала и нарушением правил противопожарной безопасности концерт отменяется! Повторяем: в связи с переполнением...

Господи, что тут началось! Свист, рев, мат, безумие молодой толпы в амфитеатре, на галерке и в проходах партера, кто-то вырвал спинку кресла и колотил ею по сцене, его примеру тут же последовали остальные – рвали бархатные шторы над входными дверями, ломали стулья и кресла, свистели, орали, топали ногами, огрызком яблока запустили в хрустальную люстру. Зеленоглазая белоснежка рядом с Майклом возмущалась вместе с ними, кричала: «Позор! Негодяи!» – и даже свистнула, сунув в рот два пальца. А богатая партерная публика стала трусливо протискиваться к выходу, и молодые парни из числа безбилетников нагло хватали разнаряженных женщин за задницы. Розенбаум молча смотрел на это со сцены, сузив свои жесткие карие глаза. «Давай, Сашок, пой!» – орали ему из зала. Но он вдруг резко повернулся и ушел за кулисы. Зал взревел еще громче. «Все! – сказала Майклу соседка. – Раз он ушел – он петь не будет!» Майкл стал вслед за ней протискиваться к выходу, пытаясь прикрыть ее от давки и толкотни. Он почему-то чувствовал себя ответственным за ее безопасность, и когда чья-то чужая рука нагло прошла по ее спине, Майкл тут же взревел по-русски:

– Отъ...!

Но еще нужно было получить пальто в гардеробе, и потому из зала они выбрались на улицу лишь минут через десять, когда милиция и дружинники с красными нарукавными повязками уже подогнали ко всем выходам из зала свои автобусы и запикивали в них почти всех

выходящих, уверенно, по одежде отличая нарушителей порядка и хулиганов. Конечно, и здесь были крики, мат, локальные драки, сопротивления арестам, а какой-то милиционер, увидев, верно, плебейское пальто белоснежки, тут же грубо схватил ее за руку. Но Майкл вмешался:

– I'm sorry. She is with me...

Он уже хорошо усвоил, с кем в Москве нужно говорить по-русски, а кому показать, что ты иностранец. Милиционер, хоть и не понял ни слова, тут же отпустил девушку, и они оказались наконец в стороне от давки, шума и почти не помятые. И тут Майкл неожиданно для самого себя предложил этой девочке подвезти ее до дома.

В Москве, если девушка соглашается сесть к вам в машину, значит – она соглашается на все. И в тот момент, когда небрежное «Я имею машину. Хотите, я подброшу вас домой» почти автоматически слетело у Майкла с языка, он тут же и пожалел об этом, но подумал, что сейчас она откажется и ситуация будет исчерпана. Девочка согласилась и, Майкл видел, согласилась без задних мыслей, без подтекста, а просто кивнула ему в знак согласия, сама еще находясь не здесь, на тротуаре Ленинградского проспекта, а среди шума и давки беснующегося концертного зала. Или во власти суровых и горьких песен этого Розенбаума... И только когда они подошли к «мерседесу» Майкла, в ее глазах появилось сомнение.

– Вы... вы правда иностранец? Я думала, вы мусору просто так по-английски сказали, чтобы он отвязался...

– Да, – сказал Майкл жестко, словно мстя ей за то, что сам же ее стеснялся до начала концерта. – Я американец. Это плохо?

– Нет, что вы! – Она снисходительно улыбнулась. – Просто я думала, что вы латыш или эстонец... У вас акцент... – И села в машину.

– Где вы живете? – спросил он.

– В Черемушках. Это далеко. Я, пожалуй, на метро поеду. Только вот... – И она опять полезла в сумочку за деньгами.

– Черемушки – это мне по дороге, – перебил он и тронул машину. – Но умоляю: закройте свою сумку!

Черемушки – построенный еще при Хрущеве рабочий пригород Москвы с облупившимися теперь от старости пятиэтажными домами – были, говоря строго, куда дальше, чем дом на Ленинском проспекте, где жил Майкл, но в той же юго-западной стороне Москвы. По дороге Майкл выяснил, что девочку зовут Поля, что ей пятнадцать с половиной лет, что она учится в музыкальном училище на хоровом отделении, мечтает стать оперной певицей, знает всех американских и европейских звезд кард-рока, а в Москве живет всего третий месяц – папу, офицера связи, перевели сюда из Херсона, небольшого порта на Черном море...

Нужно ли говорить, что сочетание трогательной зеленоглазой юности с совершенно взрослой эрудицией и категоричными суждениями обо всем – музыке, поэзии, политике и даже погоде – увлекли Майкла уже всерьез, глубоко – так, что он сам себе удивлялся. Две недели они встречались почти каждый день, бродили, разговаривая часами, по заснеженной Москве, отогревались в ночной дискотеке гостиничного комплекса Армана Хаммера, дважды сходили в Лужники на концерты новых английских звезд софт-рока, а затем... «Сегодня я буду завтракать у тебя», – бросила ему Полина однажды вечером, явившись на их традиционное место свиданий у метро «Маяковская». И тут же заговорила о чем-то другом, а Майкл... Он даже огорчился – черт возьми, вот и весь роман, а он-то, как говорят русские, тянул резину, бродил, как романтик, по холодной Москве, слушал лялькины лекции о Пастернаке и Высоцком... А она такая же, как все, хоть ей и 15 с половиной лет...

Ночью оказалось, что она девственница. Майкл замер, оторопев, даже приподнялся на руках над ее полудетским телом. «Господи! – пронеслось у него в мозгу. – Что я делаю?! Она же русская, несовершеннолетняя, и!...» «Ты девушка?» – спросил он. «Ну и что? Я люблю тебя...» – сказала она.

С тех пор у Майкла не было других женщин, и он не нуждался в них. Он знал, что Поля – это ЕГО тип, его size, его идеал. Полина и никто больше. Он сделал ее женщиной, он научил ее всему, что доставляло ЕМУ удовольствие, и в этом смысле она даже стала его гордостью, его скрипкой, которую он сам выточил из куска жесткого русского дерева, сам отполировал и обучил откликаться на самое беглое прикосновение его смычка...

И все-таки, когда в Брюсселе, на стоянке частных вертолетов, Майкл снова увидел рядом с новеньким прокатным «BMW» высокую, стриженную коротким бобриком красотку на длинных ногах, он сам поразился, как радостно екнуло у него сердце. А красotka, как и несколько часов назад, опять не сказала Майклу ни слова на их коротком пути со стоянки вертолетов к Брюссельскому аэровокзалу. Но зато на вокзале, в пассажирском отсеке-накопителе, она вдруг сама повисла на Майкле и стала целовать его с такой нежностью, с какой удовлетворенные любовницы целуют мужчин после страстной ночи. Он оторопел, инстинктивно попробовал оглянуться, но она жестко зажала его голову двумя прохладными ладонями и шепнула между поцелуями: «Не оглядывайся! За нами следят! Обними меня!..»

Эти объятия и эти нежнейшие поцелуи продолжались не минуту и не две, а целых шестнадцать минут до посадки в самолет «Брюссель – Москва». И хотя Майкл чудовищно устал от своего челночного полета в Вашингтон и обратно, он почувствовал, что заводится, что его брюки уже неприлично топорщатся в ширинке. «Остынь, Майкл, – шепнула она ему, усмехнувшись. – Ты же ослаб от ночи любви... Стоп! Не оглядывайся! Иди на посадку!»

На вялых ногах он пошел на посадку, так и не узнав, кто же следил за ними в Брюссельском аэропорту – бельгийские журналисты или русские гэбэшники...

10

Поезд «Сибирский экспресс», вагон-ресторан. 10.50 по местному времени (07.50 по московскому)

– Дорогие товарищи! – говорил Роман Стриж, держа в руке свежую «Правду». – Здоровье нашего дорогого Михаила Сергеевича идет на поправку. Надо ожидать, что через пару дней он выйдет из больницы...

Стриж стоял в глубине вагона-ресторана «Мадонна», на нем был деловой темный костюм с орденской колодкой – две полосатые планки боевых орденов «Красной Звезды» и еще одна – знак ранения. Перед ним, под огромными цветными портретами голоногой певицы, тесно сидели и стояли сто сорок делегатов съезда КПСС, возвращавшихся из Москвы поездом «Москва – Владивосток». Секретари сибирских обкомов, парторги крупных строек, заводов, нефтепромыслов и алмазных приисков...

– Сегодня на трех страницах «Правды» опубликованы письма читателей с выражением любви к нашему Генеральному и требованием сурово наказать не только негодяя Батурина, но всех, кто явно или тайно мешает курсу, взятому партией, – продолжал Стриж.

Поезд шел быстро, за окнами огромным карусельным колесом прокручивалось зеленое море тайги. На столиках перед собравшимися позванивали ложечки в пустых чайных стаканах. Мощные динамики в углах ресторана молчали, но на кухне по экрану видеомонитора беззвучно носилась Мадонна с радиомикрофоном в руке. Поглядывая на нее, панк разделявал свежего поросенка. Из тамбура слышался нетерпеливый стук в запертую дверь – там несколько пассажиров просились в ресторан...

– Я рад, что в этой подборке есть письма и от трудящихся нашей Сибири, – говорил тем временем Стриж. – А завтра таких писем должно быть еще больше. Каждый из нас по приезде

домой должен посвятить все свое время организации заводских митингов и писем в «Правду», чтобы наш дорогой Михаил Сергеевич видел – Сибирь за него!..

Старательные, даже чрезмерно старательные аплодисменты и возгласы «Правильно!», «Верно!» прервали Стрижа. Стоя на крепких, широко расставленных ногах, чтобы не качаться от толчков вагона, Стриж переждал эти возгласы и продолжил:

– Но этого мало, товарищи! Вы прекрасно знаете, как важно для выздоравливающего человека увидеть своими глазами лица людей, которые любят его, верят в него и являются его полными сторонниками! Поэтому труженики нашего Свердловска предлагают: в день выхода товарища Горячева из больницы провести по всем городам Сибири народные демонстрации под девизом: «Крепкого вам здоровья, дорогой Михаил Сергеевич!»... – Стриж поднял руку, предупреждая преждевременные аплодисменты: – Вчера только за один день на эту демонстрацию в нашем городе добровольно записались больше сорока тысяч человек! Кто за то, чтобы провести такую демонстрацию по всей Сибири, прошу поднять руку!

Лес рук разом поднялся в вагоне-ресторане, а одобрителные реплики выразили общий и уже искренний энтузиазм. Даже по лицам было видно, что идея провести такую демонстрацию освобождала многих от ночных страхов. Во всяком случае, это было действие, а не пассивное ожидание. Действие, которое может заставить кремлевского Хозяина сменить гнев на милость...

Стриж удовлетворенно повернулся к делегатке в строгом сером костюме, которая вела стенограмму собрания:

– Принято единогласно...

– То-то ж! – удовлетворенно произнесла на кухне мать панка, готовя на огромном противне уральские шанежки.

– Демонстрацию – это ты хорошо придумал, – с нажимом на букву «о» сказал Стрижу Родион Пехота, секретарь Омского обкома партии – тот самый, с которым Турьяк ночью играл в карты. – Можно сказать, камень с души снимаешь... Нет, правда! – повернулся он на смешки вокруг. – Я человек откровенный. Только одно страшновато: не начнется ли хулиганство против партийных работников?

– Ага, дрожит очко... – с усмешкой прокомментировал на кухне панк, украшая поросенка каким-то соусом и таежными ягодами. Стук в тамбуре усилился, панк с досадой отложил соусницу и вышел в тамбур. За закрытой стеклянной дверью уже набралась довольно большая группа пассажиров, в основном – мужчины с однозначной жадой в глазах.

– Еще одиннадцати нет! – крикнул им панк. – Закрыто! Партийное собрание! – и ткнул пальцем в табличку, извещавшую о расписании работы вагона-ресторана. Между тем в ресторане продолжалась дискуссия.

– А это зависит от тебя, – ответил Стриж на вопрос Родиона Пехоты о возможности хулиганства во время демонстрации. – Как организуешь... – И вновь обратился ко всем присутствующим: – Теперь второй вопрос. Будем ли мы держать нашу инициативу в тайне от других районов страны или поделимся нашей идеей с товарищами на Украине, в Прибалтике и так далее?

Он обвел взглядом весь вагон-ресторан, явно радуясь разгорающемуся вокруг шуму и спорам делегатов. Черт возьми, подумал он, я все-таки сдвину этот ком, я покачу его, покачу по стране! А там – держись, Стриж! Но уж не промахнись, как тот мудак Батурин!..

– Товарищи! – повысил он голос и, пока все затихли, бросил короткий взгляд на сидевших в разных концах вагона Турьяка и Вагая. Круглое лицо Турьяка побледнело так, что с него слиняли все веснушки. И глаза его, округлившись, выражали огромную работу мысли – он явно не понимал, зачем Стриж затевает эту демонстрацию. Неужели это и есть его идея – перед Горячевым выслужиться? А говорил – драться так драться!..

Вагай тоже сидел напряженно, как заостренный гвоздь. Пристально, словно рефери на ринге, следил за реакцией каждого на речь Стрижа. Даже глаза сузил, словно мысленно фиксировал в памяти каждое лицо и каждую реплику. Рядом с ним раздувал для солидности щеки его гладенький прихлебатель Серафим Круглый... Но, кажется, пока из всех делегатов только один Родион Пехота учуял, чем может обернуться эта демонстрация...

Стриж поднял руку, успокаивая последние споры делегатов:

– Товарищи! Конечно, я понимаю: есть большой соблазн удержать нашу сибирскую инициативу в тайне, чтобы, скажем прямо, утереть нос другим республикам. Это я хорошо понимаю! Но если вы посмотрите на дело со стороны, так сказать, здоровья нашего дорогого товарища Горячева, то сами поймете: всесоюзная, общенародная демонстрация лучше одной сибирской. Иначе как-то однобоко получится и неправильно может быть истолковано: Сибирь вот демонстрирует свою поддержку товарищу Горячеву, а остальные?..

– Ясно! – крикнули из глубины вагона. – Распространить идею!

– Вот и я так считаю. Будем голосовать?

– Да что там голосовать?! Все «за».

– Нет, порядок есть порядок, товарищи! – сказал Стриж, хотя новый стук в тамбуре уже был слышен не только на кухне, но и в ресторане. – Ведь мы же протокол ведем...

Вот это было самое главное – протокол! Наверно, не меньше двадцати стукачей-доносчиков из числа присутствующих здесь сегодня же телеграфируют в ЦК об этом собрании. Именно из-за этого нельзя скрывать «сибирскую инициативу», а нужно вести протокол и самим послать его в ЦК. А потом будет видно. Если что-то сорвется, пойдет не так, как задумано, или кто-нибудь выдаст тайный умысел всей этой затеи, он, Стриж, к тайному умыслу отношения не имеет, вот протокол: он был инициатором широкой демонстрации всенародной поддержки Горячеву, но и только!

– Тише, товарищи! – сказал он. – Значит, запишем в протокол: собрание партийных руководителей Сибири постановило: призвать все партийные организации страны в день выхода из больницы нашего дорогого Михаила Сергеевича продемонстрировать ему всенародную любовь и поддержку!..

– Все, правящая партия? Закончили? – весело крикнул панк из кухни. – Могу я людей пускать? – И, не ожидая ответа, врубил Мадонну на полную громкость и пошел открывать запертую дверь ресторана.

В вагон тут же хлынула толпа пассажиров. Они окружили бар-буфет, расхватывая бутылки с пивом. Многие бесцеремонно отталкивали партийцев, которые тоже поспешили к буфету за пивом. Партийцы молча сторонились...

– Да всем хватит, всем! – пыталась осадить толпу мать панка.

Какой-то парень, наваливаясь плечом на впереди стоящих, лез к стойке явно без очереди, локтями пробивая себе путь.

Турьяк остановил его:

– Ты куда прешь?

Грубо оттолкнув Турьяка, парень полез дальше. Турьяк схватил его за плечо своей ручищей.

– Для тебя что, очереди нет?

– Для меня – нет, – злобно рванулся парень. – Я инвалид войны!

– Покажи удостоверение, – сказал кто-то сбоку.

– Да что вы, бляди?! – тут же заорал – сорвался в истерику парень. – За бутылку пива не верите! – И изо всей силы рванул на себе рубашку, крича: – Вот моя инвалидная книжка! Вот! – Под его разорванной рубахой обнажилась грудь, вся в хирургических шрамах, словно развороченная взрывом гранаты или мины. – За бутылку пива – стриптиз?! Ну, кому еще показать? – Парень уродливо брызгал слюной – он явно был психически больным.

Стриж вдруг оказался рядом с этим парнем, тут же обнял его одной рукой, прижал к себе, сказал негромко:

– Да верят тебе, верят. Я тоже «афганец». В Герате живот осколком пропороло. А тебя где угораздило?

– А что они, суки, людям на слово не верят? – плаксиво сказал парень.

– Пойдем со мной, сядем, – сказал ему Стриж и негромко приказал Турьяку: – Принеси нам по пиву...

Крепко обнимая парня, Стриж повел его к какому-то столику, занятому партийцами, те тут же освободили им два места, и Стриж видел, с каким уважением они, да и остальные партийцы, смотрели, как он спокойно, по-отечески управился с этим инвалидом...

11

Москва. 07.40 по московскому времени

Проходя таможеню в аэропорту «Шереметьево», Майкл ужасно мандражировал. Даже руки вспотели. Будь он на месте русских таможенников, он бы такого иностранца задержал и проверил до швов в нижнем белье.

Но его никто не проверял, и уже в 08.20 по московскому времени он прикатил на своем «мерседесе» из аэропорта к дому номер 196 на Ленинском проспекте, мечтая лишь об одном: свалиться в постель и уснуть. Он поднялся лифтом на восьмой этаж, вставил ключ в замочную скважину двери своей квартиры и с удивлением обнаружил, что дверь открыта. Он толкнул ее, вошел в квартиру, и первое, что он увидел, – Полина, которая, по своей обычной манере, голяком сидела на подоконнике и, держа в руках ноты, разучивала какую-то очередную оперную арию.

– Ты? – изумился Майкл. – Как ты сюда попала?

– Ты оставил дверь открытой, – сказала она сухо. – Где ты был? Я жду тебя со вчерашнего вечера.

– Я оставил дверь открытой?! – Майкл попытался вспомнить, запирали ли он дверь квартиры перед поездкой в аэропорт. Но вчера была такая горячка, что черт его знает...

– Да, – говорила меж тем Полина... – Я пришла в девять вечера, звоню – никто не отвечает, толкнула дверь, а она открыта! Ну, думаю, ты выскочил на пару минут за хлебом или еще за чем. Сиж, сиж, а тебя все нет! И уснула. А утром уйти не могу: у меня же нет ключа дверь закрыть. А вдруг воры?..

Майкл обвел взглядом квартиру. Полина, как всегда, навела у него идеальный порядок. То, что перед отлетом в Брюссель он оставил в квартире полный бардак, это он хорошо помнил: он наспех одевался, менял рубашки и галстуки, мучительно думая, в каком костюме и в каком галстуке предстать перед Президентом. И все, что он браковал, он отбрасывал на кровать, на кресло и просто на пол. Кроме того, за последние дни на кухне собралась гора немытой посуды – ему было не до уборки. Еще в 1986 году в ответ на высылку из Вашингтона пятидесяти советских дипломатов-шпионов Советское правительство запретило своим гражданам обслуживать американский дипломатический корпус в Москве, и с тех пор все сотрудники посольства лишились прислуги и постоянно жаловались на трудности ведения домашнего хозяйства в Москве, хотя и выписали из США посудомоечные и стиральные машины, микроволновые печи и даже кухонные роботы. Но Майкла эта проблема не волновала. Он был холостяк и со студенческих пор привык обходиться один в своем нехитром домашнем быту. А кроме того, последние полтора года у него была Полина. Никто не вешал на нее обязанности домработницы, это она сама взяла их на себя, а Майклу было бы достаточно и того, что она была нежной,

пикантной и веселой любовницей, прекрасной учительницей русского языка и заводной компаньонкой в походах по ресторанам и концертам. Конечно, за эти полтора года он постепенно сменил ее гардероб. Ничего дорогого, поскольку она не смогла бы объяснить своим родителям, откуда у нее дорогие вещи. Но нижнее белье, туфельки, сапожки, джинсики, пару платицев – короче, она стала его полудочкой-полулюбовницей, а заодно, по собственной инициативе, и домработницей – приходя к нему, она под песни «Битлов» или под собственные арии мыла пол, пылесосила коврики, перемывала посуду. Все было прекрасно, и лишь одна черта ее характера или, если хотите, привычка раздражала Майкла – каждый раз, наведя порядок в квартире и приняв душ, Полина, совершенно голенькая, усаживалась на подоконник и с высоты восьмого этажа взирала на многолюдный Ленинский проспект. Солнечным ли днем или зимним вечером – не важно. Голая на подоконнике, на виду у всей Москвы – точно так, как она сидела сейчас...

– Где ты был всю ночь? – Она отложила ноты, прыгнула с подоконника на пол и подошла к Майклу, глядя на него снизу вверх своими требовательными зелеными глазами. Вся ее нагая фигурка выражала сдержанное негодование ревнующей женщины – эти глаза, эти пушисто-колючие ресницы и даже торчащие сосочки ее груди. Майклу стало смешно, и он протянул руку:

– Они сейчас лопнут от гнева...

Но она не дала дотронуться до себя, уклонила тело от его руки и одновременно вытянула к Майклу голову с острым, нюхающим воздух носиком.

– От тебя пахнет «Obsession». Ты стал знаменитым и завел себе другую, да?

– Глупая, никого я себе не завел... – Он потянулся обнять ее, но она опять отстранилась.

– Где же ты был?

Никогда прежде она не задавала ему таких вопросов, но, правда, никогда прежде он и не давал ей повода для этого. Теперь это бешенство ревности в горящих зеленым огнем глазах и в худенькой, с торчащими сосочками фигурке даже возбудило Майкла.

– Я был у нашего посла. Он заболел, и пришлось просидеть возле него всю ночь... – Пытаясь обнять Полину, Майкл плел первое, что приходило в голову.

– А при чем здесь «Obsession»?

– Не знаю. Может быть, мой пиджак висел рядом с плащом его жены...

Но в глазах Полины не было полного доверия даже тогда, когда через несколько минут он уложил ее в постель.

– Ты правда не был с другой женщиной? – спрашивала она, сжимая свои ноги замком.

– Правда...

Он взял ее почти силой – с такой неохотой она разжала ноги. И тут же слезы брызнули из Полиных глаз.

– В чем дело? – остановился он. Никогда до этого он не видел, чтобы она плакала.

– Я умру... – сказала она сквозь слезы. – Ты был с другой женщиной. И если у нее СПИД – я умру...

Майкл был потрясен. Русские называют СПИДом AIDS. Эта девочка, зеленоглазая русская белоснежка, любит его так, что отдается ему, даже полагая, что рискует при этом жизнью?

И как ни устал он за эту длинную, с челночным полетом в Вашингтон и обратно ночь, следующие двадцать минут прошли так бурно и нежно, что он почти забыл о той красотке-брюнетке, с которой еще два часа назад целовался в Брюссельском аэропорту. А спустя двадцать минут он упал на кровать лицом в подушку и заснул мертвецким сном.

Полина лежала возле него еще минут пять – с открытыми глазами и совершенно неподвижно. Затем встала, вышла на кухню, выпила полстакана воды из крана, надорвала пакетик с парой новеньких резиновых кухонных перчаток и надела их на руки. Но вместо того чтобы мыть посуду, открыла дипломат Майкла, с которым он прилетел из Брюсселя, порылась в бумагах. Однако того, что она искала, здесь не было. Она вернулась в спальню, мельком

глянула на спящего Майкла, сунула руки в оба внутренних кармана его пиджака. В одном из карманов был бумажник с американским паспортом Майкла, его автомобильными правами и кредитными карточками. Во втором – белый длинный, плотный, импортный, запечатанный конверт без всякой надписи. Она понюхала конверт – от него не пахло. Похоже, это то, что нужно, но на всякий случай она подняла с пола брюки Майкла и ощупала карманы. В карманах были только деньги – рубли и доллары. Это ее не интересовало, она сунула деньги обратно. Набросив на себя рубашку Майкла, с конвертом в руках она вышла из спальни, тихо открыла входную дверь и протянула конверт женщине и мужчине, которые стояли за этой дверью на лестничной площадке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.